

АЛЕНА
ВОЛГИНА

ЧАЙКА
С ОСТРОВА
МИРАКОЛО

Алена Волгина
Чайка с острова Мираколо
Серия «Под знаком стихий»
Серия «Тайны Венецты», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40932561

Чайка с острова Мираколо : [роман] / Алена Волгина: IC-Паблшинг;

Москва; 2024

ISBN 978-5-17-161462-1

Аннотация

Джулия приезжает в Венецту для того, чтобы выйти замуж за сына графа Арсаго, брака с которым она на самом деле совсем не хочет. Это официальная версия. На самом же деле – вместо Джулии приехал совсем другой человек. Цель незнакомки, обладающей морской магией – найти того, кто некогда совершил тяжелое преступление. В Венецте все привыкли прятать истинные лица под масками, поэтому круговорот интриг, в котором оказывается героиня, опасен и коварен. Сложно понять кто друг, а кто враг, а море может быть очень коварным союзником.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	28
Глава 4	44
Глава 5	57
Глава 6	67
Глава 7	77
Глава 8	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Алена Волгина

Чайка с острова Мираколо

© Волгина А., 2024

© ООО «Издательство «АСТ», 2024

Глава 1

В Р'льехе мертвый Ктулху спит, ожидая своего часа.

Говард Лавкрафт «Зов Ктулху»

Хищный узкий нос гондолы летел над бутылочно-зеленой водой. Я сидела, откинувшись на кожаные подушки, а мимо меня проплывали причалы и богатые особняки. Глянцево блестяла вода, со всех сторон доносились голоса большого города: переключка гондольеров, зычный голос продавца воды, нежный напев лютни и смех из соседней лодки. После двух лет тихой, уединенной монастырской жизни я возвращалась домой, в Венецию.

Мимо нас, плеснув волной, проплыла огромная шестивесельная гондола с закрытой кабинкой-фельце, весьма подходящая для кражи слона. В ее кильватере шли две лодки поменьше. Движение на Большом канале всегда было плотным и оживленным, не то что на боковых каналах. Те уводили вас в потаенные улочки и переулки, настолько тесные, что люди, живущие в домах напротив, вынуждены были открывать ставни по очереди. Фабрицио, служивший гондольером еще у нашего отца, был опытным гребцом. Он невозмутимо стоял на изогнутом мостике на корме и ловко действовал веслом, заставляя наше суденышко проворно лавировать

среди множества других лодок. Его шелковый камзол нарядно поблескивал на солнце, яркую бархатную шапочку с вышитым гербом рода Граначчи он кокетливо сдвинул набок. Фабрицио всегда был немного щеголеват и гордился своим положением.

Перед нами выросла белоснежная громада Серебряной Арки – или попросту Арженто, как его называли венееттицы. Единственный мост, соединяющий берега Большого канала, слишком широкого, чтобы наводить через него переправы. Каменные опоры круто уходили вверх, изящная арка выгнулась над зеленой водой. Никто не верил, что этот мост продержится долго. Болтали даже, будто архитектор продал душу дьяволу, чтобы тот обеспечил прочность конструкции. Но если нечистый и поучаствовал в строительстве, то после он никак себя не проявлял. Может быть, он боялся каменных грифонов, грозно распутивших крылья на каждой из опор. Поэтому ювелиры и суконщики, чьи лавки теснились наверху вдоль моста, могли чувствовать себя в безопасности.

Когда гондола зашла под мост, мы ненадолго погрузились в темноту. Водяные блики играли на затянутых зеленою камнях, гул толпы слышался здесь приглушенно, как эхо. Укоротив весло, Фабрицио осторожно гнал лодку вперед. Вдруг в двух локтях от борта мне почудился всплеск, и чья-то плотная тень прошла прямо под лодкой. Я напряглась, приподнимаясь на подушках. Если *оно* добралось сюда с острова... Нет, показалось. В мутной воде мелькнула оскаленная пасть,

полная мелких острых зубов, затем протянулось пятнистое тело и, вильнув хвостом, ушло на глубину.

Не *оно*. Слава Мадонне!

– Это моррена, не бойтесь, – осклабился Фабрицио, не переставая орудовать веслом. Мост остался позади, и перед нами снова возникла яркая панорама города. – Они трусливые.

Это верно, моррены – падальщики, и их легко спугнуть, но я не рискнула бы сунуть руку в воду, где притаилась стайка этих хищников. Они могут за пять минут обглодать целого теленка до костей! Впрочем, после двух лет обучения на острове Терра-деи-Мираколи я уяснила, что моррены – отнюдь не самые опасные существа в здешних водах.

Вдоль берегов потянулись особняки знати, похожие на массивные резные сундуки, наглухо запертые, надежно хранящие свои секреты. На розовых и бледно-зеленых фасадах алыми пятнами выделялась цветущая герань, яркая, словно кровь. Стрельчатые окна, поблескивая на солнце, провожали нас насмешливыми взглядами. Длинные террасы, сбегаящие прямо к воде, оштетинились причальными столбами, которые создавали подобие маленькой гавани для обитателей дома. Столбы были выкрашены в родовые цвета. Вода слепила глаза, ее блики колыхались на стенах, отчего казалось, что дома тоже колеблются, плавают в прозрачном весеннем воздухе. Это был другой мир – зыбкий, таинственный, ненадежный. На миг меня остро потянуло обратно – к безопасной тишине монастыря, размеченной колокольным звоном, мо-

нотонной чередой занятий и послушаний. Заныло недоброе предчувствие, и словно ниточка тоски протянулась от далекого острова прямо к моему сердцу.

«Дзынь!» – эта нить оборвалась, когда Фабрицио ловким движением весла направил гондолу к причалу. Оттуда нам махал рукой высокий проворный юноша с черными волосами до плеч, в нарядном камзоле. Облизнув губы, я ладонями старательно расправила платье на коленях, пытаюсь справиться с волнением. Это был Рикардо Граначчи, мой старший брат. Встретив мой взгляд, он ослепительно улыбнулся, и мне показалось, что грязный фасад старинного дома даже слегка посветлел. Я сделала вид, что меня вдруг заинтересовали изъеденные временем каменные ступени с плавающими возле них спутанными клубками водорослей. Рикардо сам помог пришвартовать гондолу, воткнув маленький железный багор на веревке в расселину между плитами. Потом он нетерпеливо шагнул в лодку и в два счета вытащил меня на твердую землю.

– Джулия! Наконец-то!

«Мы не виделись два года, – строго напомнила я себе, еле переводя дыхание. – Все будет в порядке!»

Мне стоило больших усилий просто поднять взгляд. Некоторое время мы молча рассматривали друг друга.

– Ты похудела, – с теплотой в голосе сказал брат. – И выглядишь бледной. Ну, это ничего! Главное, что ты здесь!

И, приобняв за плечи, он повел меня к порогу. Я молчала.

Нужно было сказать что-то в ответ, но сокрушительное обаяние Рикардо всегда действовало на меня отупляюще. Наверное, он был самым красивым мужчиной в Венеции. Несмотря на высокий рост, он двигался легко и изящно, словно танцор, а плечи у него были широкие, как у гондольера. В отличие от других патрициев, которые умели только нежиться на мягких подушках, Рико спокойно мог провести лодку от площади Трех Грифонов до самого Тарчийского подворья, даже не вспотев.

Какая-то тень отделилась от одной из колонн, и я только сейчас заметила, что на террасе мы были не одни. Там, в полосах света и тени, стоял молодой мужчина в простом вельветовом камзоле глухого черного цвета и таком же мрачном плаще, переброшенном через плечо. Когда он шагнул на свет, я вздрогнула: левую половину его лица уродовал толстый шрам, протянувшийся от уголка глаза к подбородку. Серые, как зимнее море, глаза холодно блеснули, отчего меня пробрал озноб. Я отметила, что Рико не стал представлять мне этого господина, только кивнул ему на ходу.

«Вид, как у наемного убийцы!» – подумала я неприязненно. Интересно, кто это? Неужели Рикардо нанял для охраны одного из брави? Такое знакомство до добра не доведет! Одно дело – сговориться с браво тишком, под покровом ночи; этим в Венеции грешили многие, у кого водились лишние цехины. Но совсем другое – открыто приглашать этих отщепенцев в свой дом! Хотя Рико, он такой. Ему сам черт не

брат. Захочет – возьмет охранником даже Хорро из морских глубин, и никто ему не указ! Всегда таким был.

Глава 2

После яркой солнечной улицы, брызжущей красками, внутренние покои дома показались мне удивительно темными и тихими. На круглом инкрустированном столике до сих пор стоял букет траурно-белых лилий. Пышные цветы поникли, отражаясь в черном лакированном омуте. Я осторожно прикоснулась к гладким восковым лепесткам. Рикардо подошел сзади, положив руку мне на плечо:

– Отчасти поэтому я и просил тебя приехать, Джули. В тяжелую минуту лучше быть вместе с семьей...

– Да, я помню твое письмо. Я не знала, что тебя тоже... так опечалила ее смерть.

– Она ведь была и моей матерью, – мягко ответил брат.

Большую часть времени наши родители жили отдельно друг от друга. Я родилась слабой и болезненной, так что семейный врач советовал увезти меня подальше от дурного воздуха и сырых туманов Венеции. В конце концов мы с матерью обосновались в долине Brenty, недалеко от Патавы, где у нашей семьи было поместье, а отец с Рикардо остались в городе. Мне кажется, мать была только рада оказаться подальше от жесткого, деспотичного дона Граначчи. Они с отцом не очень-то ладили. Даже когда он умер десять лет назад – погиб во время очередного заговора, – мать в Венецию не вернулась.

– Ты сказал – «отчасти». Какова же вторая причина, по которой ты меня вызвал? – спросила я, резко обернувшись. На красивом лице брата промелькнуло смущенное выражение, но тут же исчезло.

– Ты приехала очень вовремя. Граф Арсаго будет здесь через несколько часов.

Вот оно что. Я так и знала. Гнев и обида поднялись во мне мутной волной.

– Рикардо, я просто не могу сейчас... Ты что, забыл наш последний разговор? Я еще не готова выйти замуж! Побойся бога, ведь мама умерла всего два месяца назад!

– О, мадонна! – выдохнул он раздраженно. – Да половина девушек Венетты были бы счастливы оказаться на твоём месте!

Съездившись, я следила за ним напряженным взглядом. Как всегда, когда на его пути вырастало неожиданное препятствие, Рико мгновенно вспыхивал, словно факел.

– Кроме того, – добавил он, – эта свадьба одобрена Советом Десяти, а я не в том положении, чтобы с ними спорить!

– Совет Десяти не может продать меня графу, будто вещь, – возразила я из чистого упрямства.

На самом деле еще как может. Патрицианские семьи Венетты обладали многими привилегиями, это верно, но вместе с тем мы постоянно жили под жестким контролем Совета. Рикардо хотел унаследовать место в Сенате, когда-то принадлежащее отцу. Поэтому мы не имели права, напри-

мер, купить уголья в землях, куда не дотягивалась лапа священного Золотого грифона – только в пределах Венеттийской республики. И супругов нам со временем тоже должны были подобрать сенаторы из Совета. Все давно привыкли к такому положению вещей. Это из-за того, что больше любой напасти – больше чумы или кровожадных тарчей, подстерегающих наши корабли за проливом Отранто – Сенат боялся заговоров. Боялся внезапного усиления одной из своих партий. Несмотря на внешнее единство, внутри него постоянно шла ожесточенная, не видимая постороннему глазу война.

Тем временем к Рикардо подоспела неожиданная помощь. Сначала я услышала мерное постукиванье трости по мраморным плитам. Затем перед плавным изгибом широкой лестницы, ведущей в жилые покои, возникла сухошавая фигура, с ног до головы одетая в черное. Жесткое глухое платье этой дамы было словно нарочно создано для того, чтобы исключить всякие мысли о женской привлекательности, а белоснежное кружево у ворота только подчеркивало нездоровый цвет морщинистого сварливого лица. Это была синьора Ассунта, сестра отца. Мы с ней никогда не ладили.

– Похоже, монастырский воздух не пошел тебе на пользу, – заявила она вместо приветствия. Я вся подобралась под ее колючим взглядом. – Ты бледна как смерть, девочка. Рикардо, прикажи ей идти со мной. – Скептически оглядев мои измятые юбки и сбившиеся от ветра волосы, старая ворона усмехнулась: – Придется потрудиться, чтобы привести *это*

в порядок к приезду гостей.

– Я никуда не пойду!

Рикардо, похоже, решил сменить тактику. Подойдя ближе, он бережно взял мои ладони в свои:

– Джулия, клянусь, я буду оттягивать свадьбу насколько возможно. Я понимаю, каково тебе сейчас. Но, должен признаться, дела наши не очень хороши...

– Ты хочешь сказать, что мы разорены? – спросила я хладнокровно.

– Я делаю все, что в моих силах, однако морские экспедиции сейчас приносят больше беспокойства, чем барышей. Тарчи теснят нас с юга, на севере язычники отбирают рынки один за другим, а в море подстерегают пираты...

Горестно махнув рукой, он взъерошил волосы, снова превратившись на миг из блестящего аристократа в неуверенного семнадцатилетнего мальчишку, на плечи которого после смерти отца легло целое семейное дело: три корабля, организация торговых экспедиций, переговоры с капитанами и с купцами-мошенниками, каждый из которых норовил урвать кусок пожирнее. Рико работал как проклятый. Все ради того, чтобы его мать с сестрой могли жить припеваючи в безмятежной деревенской глуши. Совесть требовала хоть чем-то ему помочь!

– Даже известие о твоей помолвке может серьезно поправить дело, – продолжал Рикардо, не подозревая о терзавших меня колебаниях. – «Прекрасная ферроньера» задерживает-

ся уже на две недели. Если она не прибудет в ближайшее время, то ростовщики сожрут меня заживо! Они хуже акул! Только страх перед доном Арсаго держит их на коротком поводке. Я никому не позволю обидеть тебя, Джули...

Я отвела взгляд, чтобы не видеть этих умоляющих глаз. Он был кругом прав, конечно. Когда на одной чаше весов – благополучие целой семьи, а на другой – какие-то девичьи капризы, о чем тут вообще спорить?

Интересно, что бы он сказал, если бы на кону оказалась моя жизнь.

Донна Ассунта отвела меня в маленькую комнату, находившуюся в самом конце жилой анфилады. Насколько я успела заметить, парадные покои, богато отделанные резьбой и драпировками, были очень хороши, зато здесь, в глубине дома, было гораздо уютнее. Из окна, прикрытого ставнями, падали косые лучи, освещая статуэтку Мадонны на стене. Перед ней стояла низенькая скамеечка. Один угол занимал внушительный ларь для одежды, над которым висело шестиугольное зеркало. Посреди комнаты слуги водрузили

огромную бадью, из которой поднимался пар.

Я заметила, что старуха продолжала исподволь следить за мной цепким сорочьим взглядом. Без церемоний избавив меня от блеклых монастырских одежек, она приказала мне выкупаться как следует и сама растерла мое тело жесткой губкой. Затем с помощью двух служанок помогла облачиться в тонкую рубашку, невесомую, как облако. Поверх нее тяжелыми складками легло роскошное платье. Голубой цвет – символ верности, которой я сейчас ни капли не ощущала. Богатейшая вышивка золотом, причудливая пена кружев и ни одной жемчужины на лифе и застежках. Оно и понятно: жемчуг – это слезы морских дев, обманутых женихами, невестам такое украшение не подобает. На сердце мне снова легла тяжесть. А куда деваться? Сама ведь согласилась! Осталось надеяться, что Рикардо сдержит слово и постарается оттянуть свадьбу хоть ненадолго...

– Ты так разглядываешь комнату, будто впервые ее видишь, – вдруг сказала донна Ассунта.

– Конечно, ведь я не была здесь уже много лет, – ответила я спокойно. – Мы с матерью редко приезжали сюда.

– Могли бы приезжать и почаще!

Я мысленно усмехнулась. При каждом визите донны Граначчи Ассунта запиралась в своих покоях, бурча, что ее раздражает шум, запах благовоний, неправильно приготовленный обед – в общем, решительно все! Каждая ее встреча с невесткой приводила к неизбежной пикировке, после ко-

торой обе синьоры, взбодрившись, расходились по разным углам, как две кошки. Какое уж там «приезжайте почаще!»

– Тебе понравилось, как я переделала комнату? – вкрадчиво спросила старуха.

Вопрос был с подвохом, но, к счастью, я была готова к подобным расспросам:

– О да, тетя. Эти новые светлые занавески как будто добавляют больше воздуха. И мне куда больше нравится цветочный бордюр, чем тот традиционный узор с морскими чудовищами! Из-за него я в детстве долго не могла заснуть по ночам!

За моей спиной рассыпался дробный сухой смешок:

– В монастыре тебе должны были привить больше уважения к живущим-под-волнами... Но ты всегда была на редкость твердолобой! Какую ленту вплести тебе в волосы?

Она сунула мне под нос три цветные ленты на выбор. Я кротко вздохнула.

– Эту, – указала на синюю с золотом. – Ведь это ее ты подарила мне на тринадцатилетие.

Буркнув что-то, старуха принялась расчесывать мои каштановые кудри, да так, будто хотела выдернуть половину. Служанки недоуменно косились на старую госпожу, однако помалкивали. Должно быть, привыкли к ее чудачествам и не хотели, чтобы она потом сорвала на них злость.

Наконец, когда волосы были уложены и укрыты золотой сеткой, Ассунта, отойдя на два шага, критически посмотре-

ла меня со всех сторон и скептически хмыкнула. Покачав головой, она вышла из комнаты, но вскоре вернулась, держа в руках большой ларец из полированного ореха. На его боках, сверкающих красно-коричневыми бликами, были искусно вырезаны птицы, сидевшие на ветвях гранатового дерева. Внутри гнездилась масса флаконов и склянок. Отыскав нужное средство, Ассунта щедро набелила мне лицо, не переставая ворчать:

– О чем только думали монахини, ума не приложу! Ты вся почернела от солнца. Раньше у тебя была нежнейшая кожа!

– Доктор рекомендовал мне солнечные ванны от грудной болезни, – парировала я.

Возможно, я напрасно беспокоилась, и в сегодняшнем поведении донны Ассунты не было ничего подозрительного. Она тиранила племянницу с самого детства. «Не так стоишь, слишком громко смеешься, слишком дерзко смотришь...» От придирок Ассунты и постоянной необходимости держаться начеку у меня разболелась голова, поэтому я почти обрадовалась, услышав торопливый стук в дверь. Это был Рикардо.

– Ну что? Ты готова?

– Нет.

– Тогда идем.

– Подождите минутку, – одернула нас донна Ассунта.

Набросив мне на голову прозрачную вуаль, старуха вывела нас за порог, а сама, обратившись к статуэтке,

принялась истово молиться.

Он поднялся мне навстречу, разом заслонив собой остальных людей в салоне и невольно приковывая к себе внимание. Тяжеловесный, крепкий, с жестким надменным лицом и упорным взглядом. Его волосы, обильно тронутые сединой, покрывал вышитый берет, на руках сверкали золотые перстни с крупными камнями. Коричневый бархат камзола мягко поблескивал при каждом движении.

Граф Арсаго был одним из самых влиятельных людей в Венеции. Его знали как человека умного, решительного, привыкшего потворствовать своим желаниям. В его собственности находились несколько кораблей, роскошный дом на Большом канале и земельные угодья в долине Brenty. Также он владел землями далеко на юге, за пределами республики – и Совету Десяти пришлось проглотить это. Ни одному другому сенатору это не сошло бы с рук! Однако доходы графа составляли поистине баснословные суммы, и большую часть их он тратил на нужды родного города, поэтому Совет предпочел закрыть глаза на некоторые обстоятельства. Политика

– тонкая вещь.

Раньше я видела графа только издали, в карнавальных шествиях. Нам, послушницам и святым сестрам, тоже разрешалось присутствовать на празднике. Мы добирались до площади с острова Терра-деи-Мираколи на трех больших шествесельных гондолах и потом скромно стояли в толпе, похожие на стайку бело-серых голубей. Вытягивая шею из-за чужих спин, я видела, как дон Арсаго шествовал с другими представителями дожа, окруженный знаменосцами и музыкантами. Над их головами трепетали крылья золотых грифонов на флагах, а вокруг шумела радостная толпа и пронзительно звенели трубы...

А теперь этот важный господин стоял в двух шагах от меня. Человек, который, как я подозревала, убил мою мать. Я украдкой отерла ладони, заледеневшие от волнения и страха.

Обернувшись, синьор Арсаго пропустил вперед юношу, которого я и не заметила поначалу, поглощенная своими мыслями. Лицом он был очень похож на графа, но в нем не было и тени отцовской властности. Он мог бы служить зеркалом для дона Арсаго – волшебным зеркалом, отражающим только светлые черты. Это был его сын, Энрике.

Подойдя ближе, юноша поклонился, так что темные волосы, достигавшие плеч, упали ему на щеки:

– Джульетта, дорогая! Как я рад, как счастлив видеть вас снова!

Его светло-карие глаза просияли от радости. Я с трудом

выдавила ответную улыбку. Вот оно, самое сложное за сегодняшний день – встретить этот прямой любящий взгляд. С первой минуты было ясно, что Энрике искренне любил свою невесту. Был простым, открытым человеком, понятным насквозь.

В общем, точно таким, как его описывала Джули.

Я уже готова была сбежать, позорно провалив все дело, но в этот момент дон Арсаго снова напомнил о себе. Он слегка осадил Энрике, хлопнув его по плечу, и снисходительно улыбнулся Рикардо:

– Прошу простить моего сына за неуместную горячность. Непонятно, зачем мы вообще посылаем сыновей в университеты, если они возвращаются оттуда такими же неотесанными, как были?

Энрике постигал науки в университете Патавы. Там он и познакомился с Джулией, когда ее матери однажды наскучило уединенное поместье и вздумалось покорить местное общество.

– Искренность нельзя считать недостатком, особенно в наше время, – слышалось со стороны.

Вздвогнув от неожиданности, я оглянулась. Возле балконных дверей, выходящих на Большой канал, стоял тот давешний незнакомец со шрамом. В отличие от меня, он и не подумал сменить потертый черный вельвет на что-нибудь более праздничное. Его вызывающе простой камзол выглядел нелепо рядом с синими оконными драпировками, рас-

шитыми золотом, и прочим роскошным убранством салона.

Интересно, что он вообще тут делает? И как смеет разговаривать с доном Арсаго на равных? По моим представлениям, его место было внизу, вместе со слугами.

– Надеюсь, синьорита Джулия простит моему сыну эту бестактность, вызванную лишь глубоким чувством и слишком долгим ожиданием, – отрывисто произнес граф.

Я послушно склонила голову. Шум, доносившийся с Большого канала, накатывал волнами. А может, у меня просто шумело в ушах. Дальнейший разговор проходил без моего участия. Граф настаивал на свадьбе в ближайшее воскресенье, Энрике почтительно молчал, а Рикардо оправдывался, ссылаясь на траур:

– Бедная Джулия так горюет по матери, что отказывается даже выходить за порог дома!

Дон Арсаго недовольно сверкнул на меня ледяными глазами, похожими на бусины четок. «Черт бы побрал этих баб с их капризами!» – явственно читалось на его лице. Меня передернуло.

– Господа, прилично ли синьорите выслушивать эти споры? – вновь послышалось со стороны балкона.

– Действительно, – согласился Рикардо, изобразив на лице подлинно братскую заботу.

Бережно поддерживая под локоть, он проводил меня до дверей, где в ожидании застыла хмурая донна Ассунта. Попрощавшись со всеми, мы покинули это мужское общество,

а за нашей спиной возобновился хор голосов.

Когда мы с Ассунтой вернулись в жилые покои, служанок там уже не было. Исходящая паром бадья тоже исчезла. Потеснив меня на середину комнаты и сурово подбоченившись, моя «тетка» спросила:

– А теперь давай-ка начистоту, милочка: кто ты такая?

«Ну вот, началось». Я с напускным безразличием пожалала плечами. Присела на сундук, отстегивая вуаль:

– Не понимаю, что вы имеете в виду, тетя. Или это весеннее солнце напекло вам голову?

Трясущийся палец, покрытый старческими коричневыми пятнами, вдруг возник у меня перед носом:

– Ты не Джулия. О нет! Та была такая же взбалмошная, как ее мать! Я-то помню, как прошла их прошлая «помолвка»! Бешеная девчонка сдернула с себя платье и орала, что Рикардо может тащить ее к графу прямо в рубашке: тому, дескать, все равно.

Мне стоило большого труда удержаться от улыбки: «Да уж, узнаю Джули!»

– В монастыре у меня было время подумать о многом. Я изменилась, тетя.

Ассунта всплеснула руками:

– Уж мне-то мозги не пудри! Изменилась она. Да легче Бренту заставить потечь вспять, чем обуздать такой нрав, как у этой девчонки! Это Рикардо тебя нашел? Вы сговорились? Где Джулия?

Я позволила себе повесить голос:

– Вы переходите все границы, тетя! Я больше не девочка и не намерена выслушивать этот вздор! Настоятельно прошу вас оставить меня одну! Мне нужно помолиться. Обещаю, что помолюсь и за ваш внезапно оскудевший разум.

Донна Ассунта аж задохнулась от возмущения. На ее щеках вспыхнули уродливые алые пятна, она резко развернулась и вышла, яростно стуча тростью. Я услышала, как в двери щелкнул замок. Ну и пусть, если ей так спокойнее. Мне даже лучше.

Разумеется, молиться я не собиралась, по крайней мере, в понимании Ассунты. Однако магия требует не меньшей сосредоточенности. Толкнув дверь и убедившись, что никто не следит за мной в замочную скважину, я снова присела на ларь и закрыла глаза. Мои мысли потянулись к Пульчино... Перед глазами постепенно возникла каменная набережная, зеленые воды лагуны и чайки, белыми лепестками кружившие над водой.

На старом языке это искусство называлось *кьямата*, хотя,

на мой взгляд, правильнее было бы сказать «заимствование» или «связь». В наше время этим даром почти никто не владеет. Однако искусство *кьямата* до сих пор считается почетным, и многие знатные семейства продолжают посылать своих юных дочерей в монастыри, надеясь, что под благочестивой сенью храма их дар пробудится скорее. Почему-то обычно случалось так, что этим даром были наделены девушки. О мужчинах-кьямати никто никогда не слышал. Мы не *маннаро*, меняющие облик, не безумцы, которые каждое полнолуние теряют себя, растворяясь в звериной ипостаси. Мое тело продолжало смиренно сидеть на ларе, но мысленно я могла свободно парить над городом вместе с Пульчино, могла «одолжить» его острое чаячье зрение и проворство.

Благодаря Пульчино границы моего маленького мирка раздвинулись настолько, как я и мечтать не могла. Он подарил мне небо и жемчужную прелесть лагуны, озаренной восходящим солнцем. До появления Джулии в монастыре Пульчино был моим единственным другом. С того дня, как я нашла беспомощного мокрого птенца на причале, мы больше не расставались. И я никому не позволила бы ограничить его свободу.

«Может, довольно патетики?» – недовольно прозвучало у меня в голове. Я словно очнулась, вынырнув из темного будуара в прозрачную синеву весеннего дня. Сильные крылья несли меня вдоль канала мимо Арженто и дальше, к дому синьора Граначчи. Описав круг над черепичной кры-

шей, я вдруг заметила Рикардо: он стоял вместе с тем мрачным незнакомцем на аркаде винтовой лестницы, ведущей во внутренний дворик. Они о чем-то ожесточенно спорили. Эх, даже клюв зачесался, так хотелось их подслушать! «Мне что, разорваться?» – снова ехидно заметил Пульчино, который за годы общения со мной уяснил, что такое сарказм, и с удовольствием пользовался им при случае. Зато моя память обогатилась знанием всех укромных местечек в лабиринте рыжих крыш Терра-деи-Мираколи, где можно было спрятать добычу или спрятаться самому. Да, мы с Пульчино многому научились друг у друга!

Как бы мне ни хотелось подслушать, о чем говорят Рикардо и незнакомец, но гораздо важнее было проследить за графом. В данный момент он как раз садился в длинную позолоченную гондолу, намереваясь отплыть вместе с сыном. Я спикировала к ним на одолженных крыльях, присев на торчащий на корме набалдашник. Кто будет обращать внимание на какую-то чайку?

– Бедняжка, она так изменилась! – говорил Энрике. – Когда я встретил Джулию два года назад, в ней было столько тепла и счастливого предвкушения! Ее смех звенел по всему дому. Знаешь, отец, бывает так, что встретишь человека – и сразу чувствуешь в нем родную душу.

– И ты, не откладывая, сделал ей предложение.

– Да, и мне показалось, что она была рада! А на следующий день вдруг заявила, что нам следует все забыть. Верну-

ла мне кольцо. Я не мог понять, что на нее нашло. Честное слово, легче поймать облако над вулканом, чем постигнуть мысли женщины!

– К счастью, монахини на Терра-деи-Мираколи сумели вправить ей мозги.

Энрике печально покачал головой:

– Но этот мрачный монастырь выпил из нее все краски, всю живость. Представляю, что у них там за жизнь! Поди у них в саду даже крапива чахнет... Нет, дурной это обычай – ссылать туда девчонок перед свадьбой!

– Напротив, очень разумный, – усмехнулся граф. – Ты еще успеешь оценить, каким подарком для мужа является тихая, покорная, бессловесная жена. А главное, монастырь научил ее кое-чему. Мои люди донесли, что Джулия подлинно владеет искусством *кьямата*. Это такая редкость в наши дни!

– Я выбирал жену не по магическим способностям... – тихо возразил Энрике.

– Этот дар – ее единственная ценность! – возвысил голос его отец. – Ты думаешь, меня интересует захудалый род Граначчи, который едва держится на плаву благодаря ловкости и обаянию этого плута Рикардо? Однако талант Джулии сделает тебя первым человеком в Венеции! За это я готов терпеть ее вместе с братцем, так что не глупи.

В этот момент раздался резкий крик, и Энрико, вздрогнув, поднял голову. В небе, обведенная сияющим солнечным контуром, парила чайка.

Глава 3

Мой первый обед в семейном гнезде рода Граначчи проходил в приятной, непринужденной обстановке. Во многом этому способствовало отсутствие донны Ассунты. Верная своей тактике, старая мегера сказалась больной и заперлась в своей комнате, рассчитывая пробудить в нас с Рикардо остатки совести. Надеюсь, наш веселый смех и разговор, доносившийся из столовой, достаточно ее разочаровал. Больше всего меня беспокоило, рискнула ли она поделиться своими подозрениями с племянником?

Стол накрыли на два прибора. Фаянс и серебро уютно поблескивали в свете свечей. Графин был полон драгоценного вина, в гранатовой темноте которого вспыхивали фиолетовые отблески. Двое лакеев, наряженные в одинаковые ливреи и красные чулки, время от времени появлялись в комнате, вносили очередное блюдо или канделябр со свечами и снова бесшумно исчезали.

Еда, разложенная по тарелкам и соусникам, выглядела аппетитно, но я все еще была немного чайкой, поэтому от запаха прожаренного мяса и тушеных овощей меня слегка мучило. Хотелось нырнуть в канал, сцапать скользкую серебряную рыбешку и съесть ее вместе с костями. Увы, такова была оборотная сторона связи с Пульчино, ведь всякий дар — палка о двух концах.

Воздав должное жаркому и ветчине, Рикардо подлил мне еще вина и улыбнулся:

– Даже не помню, когда мы в последний раз сидели вот так, по-семейному. Разве что в детстве. Помнишь, когда мы с отцом приехали в поместье на твои именины?

Его лицо улыбалось, но в глубине глаз светилась настороженность, словно у дикого зверя.

«Понятно. Значит, тетушка все же успела напеть ему в уши!»

Нарезая рассыпчатый сыр на мелкие кусочки, я небрежно пожала плечами:

– Конечно, помню. Отец еще хотел оставить тебя немного погостить. Но ты был просто невыносим! Сначала сбежал от наставника и залез на дерево, потом попытался прокатиться на папиной лошади. Мама решила, что с двумя детьми ей в одиночку не справиться, они с отцом поругались, и вы уехали обратно.

Рикардо расхохотался сначала, затем погрузился:

– Я действительно уделял мало внимания тебе и матери. Совсем замотался в делах. Не представляешь, как я об этом жалею! Но теперь все будет по-другому, обещаю.

Под его теплым взглядом я покраснела и зачем-то бухнула себе в тарелку пучок кресс-салата, который вообще-то терпеть не могу. Братская заботливость Рико меня растрогала. Но я никак не могла отделаться от мысли: мне почудилось, или в его голосе действительно слышалось облегчение?

– Тебе понравится в Венетте, – продолжал Рико. – Завтра же поедем прогуляться по каналам. Если что, гондола и Фабрицио в твоём полном распоряжении. А через две недели состоится праздник в честь Дня Изгнания! Я покажу тебе Дворец дождей и галереи Прокураций, потом сходим на ярмарку, поглядим гонки гондол на Большом канале... Азартная вещь, я тебе скажу!

– А нас пустят на «Бученторо»?

«Бученторо» – это церемониальная золотая галера, с кормы которой дож бросал в волны кольцо, скрепляя таким образом свой брак с морем. В свиту дожа при этом допускались только знатные патриции, а всем остальным приходилось наблюдать это зрелище издалека, со своих лодок. Этот обычай возник триста лет назад, когда море защитило Венетту, прогнав от наших берегов алчных фиескийцев. С тех пор он неукоснительно соблюдался, хотя некоторые остро словы любили пошутить насчет престарелого дожа и его вечно юной коварной возлюбленной, вдовы целой череды венеттийских правителей. Из всех развлечений, предстоящих в День Изгнания, церемония обручения особенно меня интересовала.

– Надеюсь, все пройдет благополучно, – сказала я задумчиво, вертя в руках десертную ложку.

– Да, Августино Соренцо – наш нынешний дож – стар и глух, как пень, но, думаю, у него хватит сил, чтобы подняться на корму и произнести речь, – беспечно отозвался Рикар-

до. – Хотя кое-кто из сенаторов уже примеряет на себя золотую шапку, однако я заметил, что люди, облаченные властью, обычно чертовски живучи, так что дон Соренцо еще поборется. Да и глохнет он лишь тогда, когда ему это выгодно.

Меня беспокоило не самочувствие дожа, а нечто другое, но я не стала спорить. Перед глазами возникли песчаные отмели острова Дито... Это место, где мутно-зеленые воды лагуны смешиваются с морскими волнами. Золотое перышко парадной галеры выглядело как пушинка на ледяной ладони Длинного моря, в любой момент готовой сжаться в кулак. Кое-кто считал обряд в День Изгнания символом нашего господства над морем, но я-то знала, насколько это «господство» было призрачным и условным. Море – это глухая бездна, безразличная к людям. Оно сыто дремлет под небом, однако в любую минуту может показать свой оскал и смести нас с земли, как прилипший сор.

Замечание Рико насчет праздника напомнило мне о времени. День, намеченный для осуществления моих планов, неотвратимо приближался. Нужно было срочно найти кого-то, сведущего в астрономии, чтобы уточнить даты. И еще я приняла твердое решение всеми силами уклоняться от свадьбы. Мне понравился Энрике, и не хотелось бы причинить ему такое горе, оставив его вдовцом. Ведь я приехала в Венетту, чтобы умереть.

Спустя несколько дней я в сердцах сказала себе, что моя жизнь в доме Граначчи мало чем отличалась от прежнего монастырского затворничества. Несмотря на все обещания, у Рикардо на следующий день не нашлось для меня ни часа. «Дела, сестричка», – пробормотал он, глядя куда-то в сторону, небрежно погладил меня по плечу и исчез. Фабрицио, правда, остался. Он предложил мне свои услуги, но рядом сейчас же возникла донна Ассунта с твердым намерением сопровождать меня всюду, куда бы я ни отправилась. Пришлось отказаться от прогулки и от посещения лавочек на Мерчерии, так как в присутствии старой мегеры это занятие не доставило бы мне никакой радости.

Я не слишком тяготилась одиночеством. Старый дом Граначчи оказался настоящей сокровищницей, каждый день преподносившей мне новые сюрпризы. Темные резные комоды из грушевого дерева таили в своих ящиках рулоны мягчайших тканей таких ярких расцветок, от которых мои светло-карие глаза казались золотистыми, как янтарь, а кожа мягко светилась. За стеклянными дверцами поставцов чинно поблескивала дорогая посуда. Бродя по парадным залам,

я иногда замирала на месте, когда заблудившийся солнечный луч вдруг выхватывал из полумрака фрагмент старой фрески или картины. Комнаты Джулии вообще походили на волшебную пещеру Али-Бабы, столько в них было чудесных вещей, милых женскому сердцу: надушенные перчатки, затканые серебром шелковые накидки, кружева, вуали, хрустальные флаконы с эссенциями... Раньше у меня никогда не было таких прекрасных вещей, и сейчас я наслаждалась ими, пока было время.

А вот Пульчино в Венеции не нравилось. «Рыбаки здесь хитрые, – жаловался он, – часто привозят лежалую рыбу. Чайки наглые, не то что у нас на острове. Люди постоянно снуют вокруг. Мутят воду, грохочут тяжелыми молотами, забивая сваи. Чем вам старая лагуна не нравилась? Раньше здесь были такие отмели с мягким песочком, болота, тростник, шепчущий на ветру, и соленые озера – красота! Нет, вам обязательно нужно все поменять, все переделать под себя...»

Когда на него находило угрюмое настроение, Пульчино мог ворчать вечно. Правда, нам нечасто удавалось поговорить, так как донна Ассунта следила за каждым моим шагом. Она больше не пыталась разоблачить меня перед слугами – видимо, беспокоясь о чести семьи, но куда бы я ни пошла, следом вскоре раздавался стук трости, и старческий дребезжащий голос вопрошал: «Джули? Ты здесь?»

У нее находилась для меня масса дел: помочь смотать

шерсть в клубки, попробовать тесто для печенья, почитать книгу, обсудить новый рецепт... Просто удивительно, как она раньше справлялась, до моего приезда?

– Я занята, тетя, – вежливо отвечала я, не желая устраивать прилюдные сцены.

– Но я столько лет тебя не видала, девочка моя, дай хоть налюбоваться тобой перед смертью, – жалобно стонала вредная старуха, дряхлея прямо на глазах. А у самой лицо так и светилось злорадством.

«Да ты еще нас всех переживешь, противная карга!» Теткино двуличие бесило до невозможности, но при служанках я старалась придерживать язычок. Всем известно, что у домашних слуг самые чуткие уши. Глоток свободы выпадал мне только под утро, когда донна Ассунта поднималась и тащила свои грехи на исповедь. На мое счастье, набожность не позволяла ей пропускать ни одной утренней службы.

Рикардо не встречал в наши склоки и вообще появлялся дома довольно редко. Днем он был постоянно занят, а после ужина отправлялся куда-то вместе с Фабрицио. Мое ревнивое воображение услужливо рисовало темный переулок, скрытый от чужих глаз, потайную дверцу, отворяющуюся после условного стука, женскую фигурку, укутанную плащом, и долгие прогулки в гондоле под золотистой луной. Иногда, лежа по ночам без сна, я слышала плеск весла возле нашей террасы и приглушенный говор – по воде звуки разносятся далеко...

Меня мучило любопытство. Так и подмывало расспросить Фабрицио, но я знала, что все гондольеры крепко берегут секреты своих молодых хозяев. Это было что-то вроде мужского братства. Мои расспросы его только позабавят. Что мне за дело, на каком канале синьор Рикардо изволит проводить короткие весенние ночи?

– Не о том ты думаешь, – упрекнул меня Пульчино на третий день моего роскошного безделья. – Лучше бы побеспокоилась о другом человеке. Знаешь, кто был тот мужчина с изуродованным лицом, который встретил тебя вместе с Рикардо?

Даже сейчас при одном воспоминании о незнакомце мне словно ледяной ладонью провели по спине.

– Понятия не имею! – раздраженно ответила я. – Какой-нибудь наемный убийца, откуда мне знать!

В ответ Пульчино разразился хриплым клекотом, способным довести нервного человека до трясучки. Чайки всегда так смеются. Я уже привыкла.

– А вот и не угадала! – судя по довольному тону, ему действительно удалось узнать что-то важное. – Наоборот, это такой человек, который не дает спать спокойно всем наемным убийцам Венетты. Это Алессандро ди Горо, начальник графской охраны.

Я пожала плечами, хотя мой друг, находившийся за несколько миль, не мог меня видеть:

– Значит, у графа дурной вкус, если он может без содро-

гания каждый день смотреть на это лицо!

– Он просто трезво мыслит. Лучше прожить долгую жизнь с дурным вкусом, чем безвременно почить с хорошим! Говорят, за последние полгода на дона Арсаго было совершено два покушения, и он остался цел лишь благодаря талантам своего главного охранника. Похоже, у нашего графа в Венеции больше врагов, чем блох на собаке! Тут уж не будешь критиковать человека за лицо, если к нему прилагаются светлая голова и умелые руки!

Слова Пульчино натолкнули меня на новую мысль. Я знала, что кто-то из венецианских патрициев лелеял преступные замыслы против *кьямати*. Поэтому я и приехала сюда вместо Джулии. Кто-то хотел подчинить одну из *кьямати*, чтобы заставить ее искусство работать себе на пользу. Но мои подозрения были так слабы, что буквально таяли в воздухе. В своих фантазиях именно дону Арсаго я отводила главную злодейскую роль. Он имел большое влияние в городе, это правда, но влиятельного человека тоже можно загнать в ловушку. Справедливы ли мои подозрения? Совет Десяти мог кого угодно заставить плясать под свою дудку, я знала тому достаточно примеров. А кроме него был еще Совет Трех – настолько тайный, что никто из сенаторов не знал точного состава его участников. Однако эти трое инквизиторов могли распорядиться жизнью любого патриция в городе.

Робкий голосок служанки прервал мои размышления:

– Там пришел синьор ди Горо, он хочет вас видеть.

«Легок на помине!» – ехидно фыркнул Пульчино. И исчез.

Я безразлично пожала плечами:

– Донна Ассунта все равно не позволит мне его принять, но спасибо, что сообщила.

Я подумала, что моя тетка-тюремщица живо спровадит незваного гостя. Чтоб ей лопнуть! Благодаря ей я фактически лишь сменила одну келью на другую!

Служанка ушла, но вскоре вернулась:

– Синьорита, он настаивает, что должен увидеть именно вас.

Я удивилась: похоже, графский посланник оказался очень упорным! Девушка добавила:

– Он побеседовал с донной Ассунтой, после чего она заперлась у себя и заявила, что не выйдет до вечера.

Мой интерес к синьору ди Горо многократно возрос. Ловко же он умеет обращаться со старыми сплетницами! Не помешало бы взять у него пару уроков... Любопытство боролось во мне с опасением. Если верить Пульчино, этот господин мог доставить немало хлопот. Начальником охраны кого попало не назначат. С другой стороны, он принадлежал к графскому двору и мог рассказать кое-что интересное...

В конце концов, любопытство победило. Метнувшись к сундуку, я извлекла из его глубин роскошное платье, наверняка спрятанное Джулией подальше от теткинх глаз. Нежно-сиреневое, сверху оно было отделано золотым шнуром и

прозрачным газом, позволяя оценить красоту рук и плеч его обладательницы. По моим представлениям, ни один мужчина, увидев перед собой женщину в подобном платье, не стал бы расспрашивать ее о монастыре. Вообще, мысли о монастыре – это последнее, что пришло бы ему в голову.

«У синьора ди Горо свое оружие, а у нас – свое», – подумала я с внезапно вспыхнувшим озорством. Приложив к себе платье, подтолкнула растерянную служанку к двери:

– Ступай, скажи ему, что я выйду... но позже. Проводи гостя в салон, предложи ему вина и закусок. И пришли ко мне Лючию.

Из всех девушек Лючия наиболее искусно управлялась с моими волосами. Правда, она и возилась с ними невероятно долго, но это ничего. Пусть графский пес не воображает, что я прибегу к нему по первому зову!

Я спустилась вниз через час с четвертью, вдоволь налюбовавшись своим отражением в зеркале. Шелковое платье переливалось, мягко колыхаясь от каждого движения, длинные серьги тихо позванивали. Волосы, перевитые золотой лентой, я небрежно перебросила через плечо.

К моей досаде, гость в салоне не метался от стены к стене, злясь на бесцельно потраченное время, а спокойно сидел в кресле и смотрел на канал, как человек, привыкший к долгому ожиданию. При моем появлении он учтиво поднялся, шагнул мне навстречу... и ненадолго оцепенел.

Приятно, что наши с Лючией усилия не пропали даром.

Настроение у меня сразу улучшилось.

– Синьора... – Встрепенувшись, дон Алессандро поклонился, как человек, внезапно очнувшийся от сна.

– Вы так настойчиво хотели меня видеть. Для чего же?

– Представляете – забыл, – ответил он простодушно и улыбнулся.

Правда, из-за шрама улыбка вышла кривой и недоброй. «А ведь если бы не это увечье, он был бы даже красивым», – мелькнула неожиданная мысль. У него было твердо очерченное, несомненно привлекательное при всей жесткости лицо. Большие серые глаза под густыми прямыми бровями смотрели доброжелательно и открыто. Заметив, что я вздрогнула, он незаметно отступил от окна, так, чтобы искалеченная половина лица оказалась в тени. Должно быть, ему часто приходилось прибегать к подобным уловкам. Меня кольнуло сочувствие.

Я усадила его за стол и предложила гостю миндальное печенье, к которому сама пристрастилась в последние дни. В монастыре нас таким не баловали!

– Как вы находите Венетту? – спросил он.

– У меня еще не было времени познакомиться с городом. В этом доме так много дел! Сразу видно, что его давно не касалась женская рука.

Я надеялась, что пожилая кухарка, хлопотавшая с чайным подносом, донесет мои слова до ушей донны Ассунты, и та взбесится от злости. Синьор ди Горо поспешно потянулся

за чашкой, пряча улыбку. Словно он разгадал мой коварный замысел.

– Ну, нельзя же вечно сидеть взаперти. Поверьте, в Венетте есть на что посмотреть!

Пока мы обменивались любезностями, я раздумывала, как бы незаметно перевести разговор на его сюзерена. Но мой гость неожиданно сам поднял эту тему:

– Через два дня дон Арсаго устраивает прием...

– Боюсь, синьор, что мое присутствие будет там неуместно, – отказалась я, намекая на траур.

На самом деле я просто боялась встретиться с этими людьми лицом к лицу. Хотя Пульчино от души бранил меня и называл трусихой, мне сначала хотелось собрать побольше информации.

– Очень жаль. Вы стали бы украшением этого вечера.

От неподдельного восхищения, прозвучавшего в его словах, мне стало не по себе. Наш разговор свернул куда-то не туда, и я при всем желании не могла придумать, как исправить положение. Мысли разлетелись, сердце колотилось так, будто я взобралась на колокольню без передышки. Первый раз в жизни я была наедине с мужчиной – если не считать того «семейного» ужина с Рикардо – но с Рико я чувствовала себя легко и уверенно, а присутствие дона Алессандро отчего-то вызывало чувство острой неловкости.

Над Большим каналом сгустились вечерние тени. Яркий горящий канделябр превращал уголок комнаты, где мы сиде-

ли, в уютный островок света, делая окружающую темноту еще глубже. Кухарка давно ушла, и в доме вообще не было слышно никакого движения. Мы были одни. Склонившись, Алессандро почтительно взял мою руку, которая вся утонула в его широкой ладони. Поднес к губам, не сводя с меня смеющихся глаз. Осторожно провел большим пальцем по ладони. Получилось нежно. Я вспыхнула, но руку он выпустил не сразу.

– У вас мозоли на ладонях, – сказал он доверительно и тихо. – Я наблюдал за вами с самого начала. Кисти рук загорелые, как и лицо под этими дурацкими белилами. Скажите своей служанке, чтобы не смела вас уродовать, они вам не идут. А плечи, руки и шея – чистейшей белизны...

Под его пристальным взглядом мне захотелось завернуться в мантилью. Нет, лучше в плащ-домино! Чтобы ни одного клочка кожи не было видно! Он же невозмутимо продолжал:

– Такой загар бывает у монашек, у «серых сестер», занятых грязной работой. Вы жили в монастыре, это очевидно. Но не ради обучения, как патрицианка, а как простая послушница. Вам пришлось бежать? Почему? С вами плохо обращались? Скажите! Быть может, я смогу помочь...

Меня словно окатили ледяной водой. Что называется, доигралась! Каким-то чудом этот проклятый графский сторожевой пес ухитрился вызвать во мне чувство абсолютного доверия, я расслабилась и забыла об осторожности. Прав был Пульчино – с ним нужно держать ухо востро! Разозлив-

шись на себя, я резко выдернула руку. Лицо под белилами горело так, что хотелось немедленно умыться ледяной водой.

– У меня нет никаких секретов, заслуживающих вашего внимания, – отчеканила я, глядя ему в глаза.

Синьор ди Горо даже бровью не повел.

– Если когда-нибудь вам понадобится помощь...

– ...то прежде всего я обращусь за ней к своему брату! И уж никак не к постороннему мужчине!

Мой собеседник наконец-то понял, что зашел слишком далеко. Он поспешно поднялся:

– Да, конечно. Простите, что отнял у вас столько времени.

Через минуту его шаги слышались уже на террасе. Судорожно сцепив пальцы, я ловила каждый звук, доносившийся снаружи, и выдохнула с облегчением, только когда различила плеск воды и приглушенный разговор с лодочником. Все. Уехал.

«Нет уж, больше никаких разговоров наедине с этим человеком!» – твердо пообещала я себе. Эта добыча мне не по зубам. Слишком многое он подмечал своими серыми глазами, потом что-то складывал в уме и выдавал неожиданные предположения, близкие к истине. Очень опасный тип!

Когда Рикардо вернулся, он так и нашел меня в салоне, сидящую в темноте рядом с давно погасшим канделябром.

– Джулия? – удивился он. – Что с тобой?

– Да так... задумалась.

– Ты слишком много времени проводишь дома, – энер-

гично заявил брат, зажигая свечи на комодe и в напольных светильниках. Комната снова наполнилась мягким светом. – Послезавтра граф дает большой обед, и ты там будешь.

Ну вот, и он туда же! Я с досадой поморщилась:

– Нет, зачем! Мне это ни к чему.

– Да, Джулия. Ведь дон Арсаго пошел тебе навстречу и согласился отложить свадьбу? Теперь наша очередь уважить его просьбу. Это называется «компромисс».

– Но я же в трауре. Что скажут люди?

Рикардо молча посмотрел на меня долгим взглядом. Внимательно оглядел пышное платье, взбитые волосы и блестящие украшения. Я покраснела.

– Оденься поскромнее, вот и все. Дон Арсаго сам сказал, что твое присутствие очень желательно.

Поспешно ретировавшись к себе в комнату, я подошла к зеркалу. В нем отражалась разряженная девица, увешанная побрякушками, в вызывающе ярком платье с бесстыдно оголенными руками. Я вспомнила, как вела себя с Алессандро – и мои щеки вспыхнули от стыда. Кокетничать пыталась! Идиотка. А он смотрел и видел меня насквозь...

Мне было невыносимо стыдно. Хуже всего, что мы наверняка встретимся в доме Арсаго! Вдруг он расскажет другим гостям... Хотя нет. Почему-то я была уверена, что синьор ди Горо не скажет ничего ни Рикардо, ни кому-то другому. Не станет позорить меня перед всеми.

Глава 4

Когда мы с братом сели в гондолу, солнце уже садилось на западе, окрашивая небо и воды лагуны в одинаковый розово-палевый цвет. В усталом вечернем свете лица домов смягчились и подобрели. Темнота в каналах сгустилась плотнее, а крыши, наоборот, запылали яркой рыжиной. Печальный и задумчивый, город гляделся в тихое водное зеркало.

На причалах возле домов зажигали факелы. Издали ветерок донес до нас запах гари, померанцевых деревьев и мягкий струнный перезвон. Я зябко куталась в накидку, подбитую кунным мехом. Рикардо сидел, подперев голову кулаком, и смотрел на воду. За всю дорогу он не произнес ни слова.

Особняк дона Арсаго весь светился в сумерках, словно ларец, полный сокровищ. Из окон верхнего этажа доносились звуки музыки и голоса, эхом разносившиеся под колоннадой. За несколько дней, проведенных в доме Граначчи, я успела немного свыкнуться с роскошью, но этот дворец все равно поражал своим великолепием и своеобразной мрачной эстетикой. Можно было подумать, что мы попали в замок какого-то подводного короля.

По углам вестибюля стояли алебастровые фазы, выточенные в виде фигур осьминогов. Полы были сделаны из истрийского камня, гладкого и блестящего, как вода. Драгоценные колонны из мутного молочного стекла с вкраплениями

меди вздымались к потолку, похожие на струи фонтана. Я посмотрела вверх. С потолочной лепнины тянули свои щупальца чудовищные медузы и полипы, со стены скалилась акуля голова, глядя мимо меня пустыми черными глазами. Рассматривая ее, я вдруг ощутила, как чей-то другой взгляд яростно сверлит мне спину. Беглый осмотр холла не дал никаких результатов. Здесь решительно негде было спрятаться! Рикардо уже ушел вперед, лакеи находились снаружи, встречая другую барку с гостями, так что в холле я была одна. Тишину нарушало лишь потрескивание светильников, озаряющих фрески на дальней стене. Картина производила сильное впечатление. Очевидно, дон Арсаго был поклонником батальных сцен, а на эту картину художник не пожалел красной краски. Может, этот сюжет прославлял какие-то деяния предков Арсаго? От фрески словно исходила волна мутной ярости; зрелище распоротых животов, вываленных внутренностей и отрубленных голов вызывало у меня тошноту. Вместе с тем проклятое полотно обладало чудовищной притягательностью. Я с усилием отступила на шаг, потом еще на один – и все никак не могла отвести взгляд.

– Джулия?

Я вздрогнула. Сверху на лестнице показалась высокая фигура Рикардо.

– Куда ты пропала? Пойдем скорее.

Мой брат снова скрылся в дверях. Отвернувшись наконец от проклятой фрески, я поспешила следом за ним. Вдруг ка-

кая-то тень метнулась от дальней стены и мгновенно скрылась в проходе под лестницей. До моих ушей донесся drobный топоток, будто пробежал ребенок. С бьющимся сердцем я замерла на середине лестницы, пытаюсь справиться с необъяснимым ощущением липкого страха. Этот дом мне определенно не нравился.

Я все еще пыталась прийти в себя после шокирующей встречи с искусством (той фреской в вестибюле), когда нетерпеливый братец затащил меня в угол гостиной.

– Давай-ка я быстренько расскажу тебе, кто есть кто из гостей, чтобы ты не попала впросак. Прежде всего, нужно будет представить тебя донне Арсаго. – Он указал на бледную, немощную с виду женщину, которая стояла рядом с другой дамой, пышнотелой и яркой, разряженной в пух и прах. В отличие от молчаливой графини, вторая дама беспрестанно болтала и улыбалась, ее зубы и драгоценности напористо поблескивали в свете свечей. Рядом с ней графиня казалась блеклой и истонченной, как привидение.

– ...Дон Арсаго ее в грош не ставит, так что не тушуйся,

если ты ей не понравишься, но все-таки следует проявить к ней уважение, – наставлял меня брат. – Дальше. Та черно-волосая красotka рядом с графиней – это Джоанна Сакетти. Бывшая пассия графа. Ненавидит его со всем пылом оскорбленной женщины, но вслух ни за что не признается. А вон тот лисоподобный синьор в черном берете, с острой бородкой – ее муж. Бывший сенатор Джакомо Сакетти.

– И он тоже здесь? – удивилась я. – А он знает, что его жена раньше... ну...

– Все знают. Но боже упаси тебя хотя бы намекнуть об этом! Их дочь, Инес, тоже сегодня здесь. Видишь блондинку, притихшую за спиной у Джоанны? Это она. В отличие от маменьки – скромница и молчунья, но я бы ей не доверял. Подозреваю, что в этом омуте водится немало чертей.

– А как зовут вон ту синьору в красном? – спросила я с любопытством.

Девушка, которая привлекла мое внимание, кроме яркого платья выделялась необычайно свободными манерами. Сейчас она непринужденно объясняла что-то пожилому синьору в коричневом плаще с меховой оторочкой.

– Это Бьянка. Бьянка Санудо...

Мечтательные нотки в голосе Рикардо заставили меня насторожиться.

– Ее отец, синьор Санудо, служит управляющим у дона Арсаго. Люди шепчутся, что он сильно сдал в последнее время, так что дочь вместо него следит за делами и проверяет

счетные книги. Кое-кто поспешил донести эти сплетни до графа. А дон Арсаго, представляешь, заявил, что такой разумной девице он без колебаний доверил бы всю казну!

– Я бы на его месте поостереглась, – хмуро бросила я в ответ. – Не думаю, что синьора склонна к экономии. Одно ее платье из венецианского шелка стоит не меньше двухсот дукатов, не говоря уже об украшениях!

– Завидуешь, сестренка? – ухмыльнулся Рикардо.

– Угу. Восхищаюсь.

Я с грустью оглядела свой чопорный темно-синий наряд. Из украшений – одни только ониксовые четки, волосы гладко зачесаны под покрывало. Но даже в таком монашеском виде мое присутствие здесь многие сочли бы неприличным: ведь я только что потеряла мать! К счастью, донна Ассунта, продолжавшая меня ненавидеть, нарисовала мне вместо лица такую маску, что рядом со мной любой покойник показался бы воплощением здоровья и красоты. При взгляде на меня никто бы не усомнился, что я не только потеряла близкого человека, но и сама стою одной ногой в могиле.

– Хм, интересно, а он что здесь делает? – пробормотал Рикардо, указав на плотного темноволосого мужчину с высокомерным костистым лицом. – Это Фальери, один из нуворишей. Они с графом никогда не ладили...

Я кое-что слышала о стычках «новой» и «старой» знати в пестром венецианском обществе. Двое мужчин, похоже, продолжали какой-то старый спор:

– Вы привыкли считать Венетту королевой моря, – напирал Фальери, – но теперь уже не те времена. Все, баста! Золотому грифону пора выбираться на берег. Из-за войны с тарчами мы потеряли крепости на пути в Ханаан, и теперь вся восточная часть Срединного моря для нас закрыта! Кроме того, с тех пор как лозитанцы открыли морской путь в Бхарат, центр торговли необратимо сместился на север. Нам больше нечего ловить на море!

– Ну что вы такое говорите, синьор Фальери, – с улыбочкой вмешалась Джоанна Сакетти, исключительно с целью обратить на себя внимание. – Неужели Кашми и Магадха перестанут торговать с нами? Как же мы тогда будем обходиться без их прекрасных шалей, шелка и жемчугов, скажите на милость?

Дон Арсаго хмуро отвернулся от Джоанны, не обращая внимания на расточаемые улыбки.

– Вместо того чтобы ловить удачу у дальних берегов, нам следует заняться торговлей на континенте, – развивал свою мысль настырный синьор. – Пора, пора переделывать корабли в амбары и винные прессы, распахивать фермы, вкладывать деньги в *terra firma*...

– Для этого нам понадобится прежде всего прочный мир с Лигой Четырех и северными герцогствами, – раздраженно бросил дон Арсаго, давая понять, что этот разговор слишком затянулся. – Какой смысл нам вкладывать деньги в спорные земли, если мы каждую минуту рискуем их потерять?

Спор о судьбах Венетты увял сам собой, когда торжественная процессия слуг внесла с кухни блюда с яствами, и графиня распорядилась пригласить всех в столовую.

Глядя на этот стол, я прикинула, что такого количества еды нашему монастырю хватило бы на целый месяц. Здесь была жареная дичь во всех видах, целые пирамиды из око-роков и колбас, остро пахнувшие соусы в маленьких кувшинчиках... Скатерть украшали охапки нарциссов и фиалок, распространявшие нежный аромат. В серебряных ведерках охлаждалось вино: бледно-желтое монфьоре, цветом похожее на зимнее солнце, и трентино, отливающее зеленью в бокале, с терпким и свежим вкусом. Гости оживились, рассаживаясь по местам. Только донна Джоанна молчала, обиженно поджав губы. Ее полные щеки и широкое декольте, прикрытое газовой вуалью, порозовели от гнева. Инес, сидевшая рядом с матерью, что-то тихо шептала ей на ухо.

По правую руку от меня сидел Энрике, дувшийся на меня за то, что я гораздо больше внимания уделяла другому собеседнику – синьору Фалетрусу. Хрупкий немолодой мэтр Фалетрус был при дворе графа кем-то вроде доктора и астролога одновременно. Зато он прекрасно разбирался в астрономии, и мне было жизненно важно поговорить с ним – только, естественно, не при всех. Был здесь и Алессандро ди Горо, почтительно кивнувший мне издалека. За сытыми, лоснящимися лицами других гостей мы с ним почти не видели друг друга, что меня только радовало.

Рикардо тоже сидел далеко от меня, и вообще, сдав меня на руки жениху, он тут же превратился в верного пажа прекрасной синьоры Бьянки. Против воли я то и дело поглядывала на них. Рико усиленно распускал хвост, но пока что его обаяние бессильно разбивалось об эту неприступную крепость. Девушка неохотно цедила слова и почти не смотрела в его сторону. Я недоумевала, почему мужчин вечно тянет к таким синьорам – холодным, насмешливым, с острым, как нож, языком? «Не такая уж она и красавица». Алый цвет платья синьоры Бьянки, хоть и шел к ее дерзким своевольным манерам, был слишком ярким обрамлением для ее пепельных волос и бледного русалочьего лица.

Имя «Джулия», внезапно прозвучавшее за столом, выдернуло меня из омуты ревнивых мыслей. Двое гостей поднялись с места, намереваясь произнести речь. Это был синьор Фальери и другой сенатор в драгоценном плаще, отделанном мехом. Оба, улыбаясь, смотрели на меня.

– И по случаю помолвки мы хотели бы преподнести подарок прекрасной синьорите Джулии, невесте сына нашего любезного хозяина. Надеюсь, она не откажется принять нашу скромную дань ее таланту, добронравию и красоте!

Поздравления и тосты зазвучали со всех сторон. Энрике, положив ладонь поверх моей, ласково сжал мои пальцы. Я сидела как на иголках. Подарок? Что еще за подарок? Надеюсь, нас не собираются обвенчать прямо здесь?!

Двое слуг, пыхтя и отдуваясь, еле втащили в зал огромный

ящик размером с паланкин, накрытый узорчатым полотнищем. Ого! Покрывало сдернули – и мое чувство радостного предвкушения тут же растаяло. Внутри оказалась клетка из прочных металлических прутьев, в глубине которой скорчилось какое-то существо.

Тесная дружба с Пульчино внушила мне ненависть к клеткам. Теперь я знаю о них намного больше – и тем сильнее их ненавижу. Тем временем скользкая куча, застывшая в углу клетки, зашевелилась и вдруг пружинисто развернулась, метнувшись вперед. Серые лапы с перепончатыми пальцами вцепились в прутья, отчего клетка задрожала, а гости отшатнулись на стульях. Слуги, не будь дураки, отскочили в сторону. Над покатыми плечами чудовища поднялась лысая вытянутая голова с провалившимися щеками и уродливой щелью рта. Засветились желтые точки глаз, в которых постепенно разгорался нехороший огонек.

«Это же *паурозо*, или, как ее называют местные рыбаки, каменная горлодерка!» Я онемела от изумления. Господи боже, да зачем она мне, и, главное, где они ухитрились ее раздобыть?! Раньше горлодерки еще встречались на отдаленных рифах около Дито, но теперь их и там не найти, слава мадонне! Рыбаки люто ненавидели этих тварей, и было за что. Когда в лагуне пропадала рыба, голодная горлодерка подбиралась к рыбачьим поселкам. За ночь она могла перетаскать весь улов, а то и хозяином закусить, если ослабела от ран или если у нее имелся голодный выводок. Внешне она неуклю-

жа, похожа на огромную лягушку, покрытую отвратительной бурой слизью. Однако бросается стремительно, как змея – и мгновенно вцепляется в горло. Оттого и прозвание. Правда, некоторые считали, что горлодерок прозвали так из-за песен. На рассвете, когда лагуну затягивает туман, они поют. Тянут и тянут на одной ноте – певуче, неторопливо. Завораживающе. Невозможно противиться этому зову. Вот представь себе, сидишь ты в лодке, радуешься улову, а твое весло само незаметно подталкивает лодку к маленькому островку, один вид которого навевает дремоту... Потом очухаешься спустя час посреди бухты, уже без рыбы. И это еще в лучшем случае. В худшем – всплывешь в виде трупа где-нибудь у берегов Дито, и даже родичи тебя не опознают.

Вот такие они, горлодерки. Сомнительный свадебный подарок, прямо скажем. Внезапно меня прострелила догадка: «Это же проверка!» Быстрый взгляд, брошенный на графа, подтвердил мои подозрения. Многие сенаторы знали, что Джулия Граначчи обладала даром *кьямата* и, значит, могла найти общий язык с любой бессловесной тварью. А насчет меня, кажется, возникли сомнения. То ли донна Ассунта проболталась, то ли синьор ди Горо поделился с сюзереном своими догадками... Сенаторы, улыбаясь, посматривали на меня, но за их фальшивыми улыбками скрывалась расчетливая безжалостность. Я покосилась в сторону Алессандро – тоже, поди, злорадствует! – и наткнулась на горящий встревоженный взгляд. Начальник охраны сейчас же поднялся:

– Мне кажется, здесь неподходящее место для демонстрации искусства кьямата. Слишком опасно для всех.

– Да полно вам, – отмахнулся граф. – Эту тварь поймали два дня назад, она еле дышит.

Даже над горлодеркой нельзя так издеваться. Я решительно направилась к клетке. Алессандро бессильно обернулся к Рикардо, но тот лишь ухмыльнулся, подмигнув мне вслед:

– Ни один из Граначчи не струсит перед какой-то жабой. Покажи им, сестренка!

Желтый немигающий взгляд уставился на меня из-за прутьев – и моя голова чуть не лопнула от ядовитой злобы, хлынувшей густым потоком. Чужое сознание, заключенное в жутковатых круглых глазах, металось передо мной комком хищной остервенелости. Даже прикоснуться к нему было страшно. «Тише... – попыталась я достучаться. – Я не сделаю тебе хуже». В ответ хищница яростно ощерилась пересохшими губами.

– Принесите воды, два ведра, – бросила я одному из слуг. – Вы что, с ума сошли? Ее нельзя столько времени держать на воздухе!

Горлодерки могут довольно долго оставаться на суше, но эта, судя по сморщенной посеревшей коже, покрытой сухими струпами, провела без воды больше суток. Болваны пустоголовые! Мою просьбу выполнили мгновенно. Рядом с клеткой плюхнулись два ведра, полные до краев, а слуга проворно отбежал подальше.

«Хочешь получить воду – замри и не двигайся».

Медленно, стараясь не делать резких движений, я отперла клетку и просунула ведро внутрь. Тварь следила за мной, не отрываясь. Даже воздух между нами звенел от напряжения. Я больше не пыталась наладить контакт, моих сил еле хватало, чтобы просто удерживать ее на месте. В ужасающей, бездыханной тишине столовой было слышно, как звякнула дверца клетки. Онемевшими пальцами я попыталась задвинуть в пазы заклинивший железный штырь... Чья-то рука легла сверху, и засов легко встал на место. Дон Алессандро! А я и не заметила, как он оказался рядом. Второе ведро я попросила вылить на клетку сверху, и плевать, что вода зальет начищенный пол. Подотрут, слуг здесь достаточно.

– Довольно! – хмуро сказал Алессандро, снова набросив на клетку покрывало. Изнутри доносился плеск и довольное урчание. Я, не торопясь, проверила надежность засова и только потом позволила себе оглянуться. Ладони дрожали, спина взмокла от пота, но вряд ли гости это заметили, настолько все были поражены. Оба сенатора казались смущенными. Дон Арсаго весь лучился от удовольствия и смотрел на меня как на любимую дочь. Рикардо что-то тихо шептал на ухо синьоре Бьянке, в лице которой наконец-то мелькнул проблеск интереса. Я мысленно вскипела: дорогой братец мог бы проявить ко мне и побольше участия! Развернувшись, я гордо прошла мимо них, спеша поскорее вернуться за стол, пока мне не отказали дрожащие ноги. Энрике,

необычайно взволнованный, встретил меня с облегчением:

– Дорогая Джулия, ваше искусство поистине поразительно! Не сомневаюсь, что вы способны укротить любое чудовище! – произнес он галантно. Однако в его быстром взгляде и суетливых неловких движениях я отчетливо видела страх.

Интересно, кого он боялся? Отца? Или хищника, запертого в клетке? Или может... меня?

– Не любое. Некоторых можно только убить, – улыбнулась я своему жениху.

Глава 5

Наш город стоит на костях дуба, вяза и лиственницы: глубоко в ил и песок вонзаются крепкие сваи, которые служат опорами для будущих зданий. Наши пышные особняки – словно крона мертвого леса, уходящего корнями в зыбкое дно лагуны. Однако некоторые до сих пор верят, что Венеция покоится на спинах чудовищ. Недаром один из кварталов называется Дорсодуро – «крепкая спина». Кто знает, что дремлет в лагуне под безмятежной зеркальной гладью?

Мыслями я снова была в крипте нашего монастыря на Терра-деи-Мираколи, пол которой с одной стороны наклонно уходил под воду, проваливаясь в темный омут, а вдоль всей стены тянулся барельеф с изображениями живущих-под-волнами. Все они были здесь. Водокрут с чудовищно длинными щупальцами, способными легко переломать кости взрослому человеку. Левиафан, «заставляющий море пениться, подобно кипящему котлу», как написано в псалме. Бешено извивался скрюченный кистенюг, рядом с ним скалилась зубами-иглами длиннотелая моррена. Мой взгляд скользил от потолка к полу, словно погружаясь в глубины моря. В верхней части барельефа художник изобразил тех, кого видел собственными глазами, и их образы были запечатлены с детальной скрупулезностью. Однако чем ниже опускался взгляд, тем чаще он выхватывал из темноты дико-

винных чудовищ, давно уже канувших в область преданий. Эти были нарисованы более схематично. Игольчатый живоглот, раздуваясь, как шар, пожирал добычу. Две сцепившиеся горлодерки дрались из-за рыбины. Наконец, возле самой воды на стене был высечен Хорро, Глубинный ужас, дышащий в унисон с морем, просыпающийся при полной луне, чей гнев мог отправить в пучину целую флотилию кораблей.

Косые лучи света, проникая сквозь отверстия в потолке, отражались от воды, играя бликами на стенах, отчего казалось, что каменные щупальца, когти и плавники шевелятся, ворочаются, стиснутые рамками барельефа.

В любой из базилик Венетты можно было найти какую-нибудь легенду о море: «Чудесный улов рыбы», «Хождение по водам», «Укрощение бури». На стене церкви Сан-Джакомо был изображен святой Николай, стоявший на спине морского змея. Однако наибольшей популярностью пользовалось сказание о подвиге святой Виадоры.

Я столько раз читала и слышала эту легенду, что она как живая стоит у меня перед глазами. В тот день триста лет назад полководцы Фиески разбили наш флот и подошли к самому городу. По Венеттийскому заливу, словно голодные хищники, шныряли фиескийские галеры. В гавани Сан-Николо собирались отряды: устраивали завалы из бревен, натягивали цепи, чтобы преградить путь врагу. Старый дож Андреа Гримани скончался от горестных вестей, и колокола на главном соборе глухими протяжными звуками возвестили о

его смерти. Казалось, что республика умрет вместе с ним. Тогда юная Виадора, монахиня с острова Терра-деи-Мираколи, вошла в море, чтобы призвать тех, кто живет под волнами.

Город сотрясли подземные толчки. Старый мост Арженто рухнул, как и несколько домов возле набережной, а каналы позеленели от прилива морской воды. Стремительно налетела буря, словно вырвавшись из набухшей тучи. Море вспенилось горбами, и в черных провалах между волнами можно было разглядеть то гладкую черную спину, то оскаленный рот, то страшные щупальца, похожие на бешеных змей. На глазах ошеломленных людей, столпившихся на берегу, длинные скользкие жгуты взметнулись вверх, оплели флагманский корабль фиескийцев, и тот медленно, словно нехотя, завалился набок, а потом скрылся в пучине. Остальные корабли разметало по гавани, будто прищепки в лохани. Город словно сошел с ума. Ликующие крики и победные звуки труб мешались с воплями ужаса.

На церковных фресках Виадора представляла величественной высокой женщиной, облаченной в лазоревые одежды. Но здесь, в тайной крипте монастыря Терра-деи-Мираколи, скрытой от чужих глаз, неизвестный художник изобразил все как есть. А согласно обычаю, девушке-*кьямати* надлежало входить в воду в том виде, в каком она вышла из чрева матери, то есть нагой.

На стене, оживая в загадочных переливах водяных бли-

ков, маленькая монахиня, совсем еще девочка, едва переступившая порог созревания, бестрепетно стояла перед живой скользкой глыбой размером с фелуку. Яркие краски не потускнели от времени. Тоненькая угловатая фигурка девушки на фоне темных волн с ключьями седой пены словно свети-лась.

Сидя в крипте и слушая тихое дыхание моря, я размышляла о том, что художнику не хватило храбрости изобразить всю легенду целиком. Наверное, она казалась ему чудовищной. Ну, он же не был *кьямати*. Второе правило, которому нас учили, гласило: морю чуждо понятие справедливости, оно отзовется (если вообще отзовется) на те чувства, которые найдет в сердце зовущей. Поэтому ради собственной безопасности, прежде чем опускать руки в священные воды, следует научиться очищать свой разум от зла.

Виадора призвала живущих-под-волнами с гневом и ненавистью в сердце, желая сгубить фиескийцев – и была растерзана теми, кто откликнулся на ее зов. Зато она спасла город.

Я, конечно, была не так сильна. Но после долгих часов бдения в крипте, постов и медитаций море все же откликнулось мне. Я надеялась, что оно придет на помощь, когда наступит время отомстить и защитить двух дорогих мне людей. Пусть даже такой ценой.

Обед в доме Арсаго закончился. Стол, разоренный гостями, был похож на пляж после шторма, на котором, словно ловкие крабы, суетились безмолвные лакеи. Общество переместилось в салон, куда на подносах принесли кофе – новомодный горький напиток с чарующим запахом, навевающим мечты о горячих пустынях и восточных сказках. Я же, потихоньку покинув остальных дам, вышла на террасу.

После происшествия с *паурозо* мне нужна была минутка уединения, чтобы прийти в себя. С террасы я видела, что «подарок» со всеми предосторожностями погрузили в лодку и отправили к дому Граначчи. «Вот Ассунта обрадуется!» – подумала я не без ехидства. Может, мне повезет, и она запретя в комнате еще на неделю?

Запрокинув голову, я любовалась бархатным ночным небом. Ночной ветерок охлаждал влажную кожу, от крепкого прохладного воздуха закружилась голова. Ночь слегка посе-ребрила верхушки кипарисов, внизу невидимая вода в канале перешептывалась с замшелыми ступенями.

– Значит, вы все же владеете колдовским искусством!

Я вздрогнула. Из темноты на свет факелов выступила зна-

комая стройная фигура дона Алессандро. Сегодня он соизволил сменить свой обычный черный дублет на темно-синий, правда, того же глухого покроя, без всяких украшений.

Я приветливо улыбнулась:

– Теперь, надеюсь, вы не сомневаетесь, что я и есть настоящая Джулия Граначчи?

В колеблющемся свете факелов его лицо было плохо различимо, но я кожей чувствовала его изучающий взгляд. Наверняка обдумывает что-то, сравнивает старые догадки с новыми открывшимися фактами. Ну-ну. Меня не так-то легко поймать!

После нашей последней встречи я тоже успела разузнать о нем благодаря Пульчино, принесшему в клювике кое-какие сведения. Синьор Алессандро ди Горо с детства жил в доме дона Арсаго. Его отец погиб вместе с синьором Граначчи в те далекие дни, когда в начале правления дожа Соранцо кучка патрициев вознамерилась оттеснить дона Арсаго от власти. Заговорщики напали на него в храме с кинжалами, добавив к предательству грех святотатства, однако графу повезло – он остался цел. Зато двое его самых преданных сторонников погибли. Вероятно, в память о заслугах отца граф приблизил к себе сына. Он принял Алессандро в свою свиту и положил ему неплохое жалованье, но тот все равно жил словно монах в миру. Не сорил деньгами в игорных домах, не ряделся в бархат и кружева, питая слабость только к хорошему оружию. Мечом и кинжалом владел отменно. Уж не знаю,

кто ухитрился наградить его шрамом, но нынешняя репутация его была такова, что даже брави отказывались принимать заказы на этого человека. В привычках дон Алессандро был скромн, женщин сторонился, что неудивительно, с таким-то лицом. Интересно, почему он не носит маску? И это в Венеции, где традиция маски священна! Такое впечатление, будто он нарочно старался усложнить себе жизнь.

– Рад, что вы еще можете улыбаться, – покачал головой синьор ди Горо. – Как у вас вообще хватило духу сунуться к этой твари? Я уже собирался прийти вам на помощь...

– Я заметила, как вы придвинули к себе ту миску из-под оливок. Поди сто раз пожалели, что в столовую не принято приходить с оружием! – поддразнила я его.

Алессандро только пожал плечами:

– Ваза показалась мне достаточно тяжелой.

Меня распирало от смеха. Наверное, сказывался пережитый испуг. Не выдержав, я рассмеялась:

– Да вы герой! С миской оливок против *паурозо*!

– Смейтесь, смейтесь! Мадонна, да половина гостей готова была умереть от страха, хотя они сидели далеко от клетки!

– Ну, меня же этому учили, – отсмеявшись, всхлипнула я. – Умение справляться со страхом – это третье правило, которому учат каждую кьямати.

«Каждый день в свое время ты спускаешься в крипту и ждешь. Ты не знаешь, *кто* выйдет к тебе из воды. И выйдет ли кто-нибудь вообще. И когда оно изволит явиться. Но что

бы ни пришло к тебе из моря, ты должна принять это».

Начав рассказывать, я уже не могла остановиться:

– Есть два вида страха, вы знаете? Есть знакомые, понятные страхи, у каждого свои. Но хуже всего – боязнь неизвестности. От знакомых страхов помогают упражнения и медитации. С неизвестным справиться сложнее. Как вы думаете, для чего мы записываем и сохраняем имена, облик, повадки всех живущих-под-волнами, когда-либо выходивших на поверхность? Чтобы научиться защищаться? Нет, от этих существ нет защиты. Но так мы словно приближаем их к себе. Делаем их более понятными. Если существо, которые ты впервые увидишь сквозь толщу воды, будет тебе хоть чуточку знакомо – меньше вероятность, что ты потеряешь голову от страха.

– Да, – задумчиво произнес Алессандро. – Это я понимаю.

Он протянул на свет правую ладонь. Я заметила, что ее тоже пересекали уродливые шрамы, а два пальца срослись криво, так и оставшись скрюченными.

– С самого детства я боялся не смерти, а вот этого – беспомощности, слабости, увечья. Этот страх висел над моей головой, как грозовая туча. Но когда несчастье действительно случилось... оказалось, что огромный страх рассыпался на мелкие понятные задачи. Сколько времени можно выдержать без опия? Сколько минут в день придется мучить руку упражнениями, прежде чем пальцы снова обретут подвижность? Так и вышло, что облако страха постепенно рассея-

лось. Хотя ситуация не стала от этого более приятной, конечно.

Мы помолчали. Лицо моего собеседника почти таяло в темноте. Наверное, это придавало ему уверенности.

– И все же, – задумчиво продолжал он, – несмотря на ваш опыт, несмотря на всю подготовку, ваше искусство остается опасным. Вчера я узнал, что неделю назад на Терра-деи-Мираколо погибла девушка. Как раз, когда вы сюда приехали. Одна из послушниц.

«Разведал все-таки!» Я махнула рукой – надеюсь, с достаточной небрежностью:

– Вам рассказали рыбаки? Ну что вы. Это просто слухи.

Дон Алессандро, однако, смотрел недоверчиво. Прямые брови упрямо хмурились. Под его пристальным взглядом я попыталась рассмеяться, но вышло не очень:

– Про кьямати ходит немало пугающих сказок. Не стоит думать, будто камни в нашей крипте пропитаны кровью невинных девушек. Я помню легенды о святых, о Виадоре, но мне кажется, что с течением времени море постепенно засыпает. Оно все реже откликается нам. Можно несколько лет провести в монастыре и так и не встретить никого, кто ответил бы на твой зов.

– То есть за время вашего пребывания на Терра-деи-Мираколи не было никаких... несчастных случаев?

– На моей памяти – ни разу, – честно призналась я. – Однако слухи среди рыбаков ходили всегда. Это их способ

справляться со страхом, понимаете? Вы не знаете, каково это – жить в полной зависимости от моря, когда твою лодку может завтра сожрать шторм, или рыба вдруг пропадет из лагуны, или хижина твоего соседа наутро вдруг окажется пустой! Мы, кьямати, для них – что-то вроде посредников между людьми и морем. Оттого каждый слух, просочившийся из монастыря, раздувается до нелепых размеров. Рыбаки говорят: «Живущие-под-волнами взяли еще одну жертву», – и это придает им уверенности. Помогает жить дальше.

Алессандро хмуро молчал, глядя перед собой. Луна поднялась выше, посеребрив крыши и ставни, нарисовала зыбкую рябь в темных провалах между домами. Я перевела дыхание:

– Даже сейчас, когда свет истинной веры добрался до самых отдаленных земель, все равно находятся люди, полагающие, что человеческая кровь, пролитая на алтаре, надежнее защитит их от гнева богов, чем все молитвы и праведные поступки.

Глава 6

С этим проклятушим подарком Совета Десяти возникла масса проблем. Рикардо с радостью утопил бы опасную тварь в канале Орфано, но это могли расценить как неуважение. Пришлось смириться. Держать *паурозо* в клетке было невозможно – тут уже воспротивилась я. Работники соорудили для нее логово из камней в дальнем конце террасы и склепали прочную цепь, крепившуюся к одной из колонн. Фабрицио со своей гондолой был, понятно, не в восторге от такого соседства, но только флегматично пожал плечами: мол, старому гондольеру в Венеции еще и не такое приходилось видеть. На следующий день служанки подняли визг: оказывается, хищница ловко умела взбираться по стене дома, цепляясь за трещины и щели. Кухарку чуть удар не хватил, когда эта морда заглянула к ней в окно на рассвете. Рикардо на силу смог их успокоить, повысив жалованье и пообещав поставить на окна решетки. Вышедшая на крики Ассунта драматично заявила, что паурозо – это кара, посланная нам за грехи.

– Зато из нее получится отличный сторож! Мигом прогонит любого вора! – пошутила я за завтраком.

– Боюсь, что в первую очередь этот сторож избавит нас от прислуги, – усмехнулся Рикардо.

Донна Ассунта молчала, поджав губы. В ее представлении

любые действия Совета были непогрешимы, и нам следовало смириться с оказанной честью. Хотя появляться на террасе она теперь избегала. Заметив это, я возрадовалась и немедленно приказала перенести туда кресло для отдыха. Несмотря на жутковатую нотку, которую вносило присутствие водяной хищницы, я все-таки предпочитала ее общество постоянному изматывающему контролю своей тетки. Я даже осмелилась вызвать сюда Пульчино, но тот, завидев перепончатые лапы высунувшейся горлодерки, от страха свалился в воду, разорался, как подстреленный, и исчез. Тварь проводила его морозящим взглядом из-за камней, а затем перевела глаза на меня. Каким-то образом ей удалось переплавить вчерашнюю ослепительную ярость в медленно тлеющую ненависть. Она затаилась, выжидая удобного момента, чтобы одним безошибочным броском вырваться, разодрать нам всем глотки и обрести свободу. Это намерение крупными буквами было написано на ее уродливом шишковатом лбу. Всякий раз, когда я пыталась прикоснуться к ее разуму, мне становилось не по себе.

Зато я первой из домашних увидела просторную гондолу, спешившую к нашему причалу. В ней сидели три женщины в богатых расшитых мантильях. Все они были под масками, но я и без того узнала пышную статью Джоанны Сакетти, золотые локоны ее дочери и русалочий профиль зануды Бьянки. Похоже, после моего визита в дом Арсаго дамы решили, что наш траур не так уж строг и позволяет принимать гостей.

Позади меня на плиты террасы упала темная тень. Разумеется, это была Ассунта – моя бессменная надзирательница, как всегда, закутанная в черное одеяние от пяток до подбородка. Когда она заметила Джоанну Сакетти, ее губы искривились, словно у воплощенной Добродетели при виде нераскаявшегося грешника.

– Ассунта, дорогая! – любезно распахнула объятия донна Сакетти, едва выбравшись из лодки при помощи гондольера и слуг. На строгую теткину гримасу она не обратила никакого внимания, уверенная, что к ней это не относится. Наивная самовлюбленность Джоанны была поистине изумительной. – Ну, полно убиваться. Беатриса сейчас смотрит на нас с небес, и мы должны не скорбеть, а позаботиться о ее дочери, хотя бы в память о ней. Ты так на нее похожа, милая, – улыбнулась она уже мне.

Беатриса Граначчи была маленькой энергичной дамой, белокурой и голубоглазой. Я же уродилась кареглазой и темноволосой, но у некоторых людей своеобразные представления о внешнем сходстве.

– Вы ведь навещали ее в поместье? Какой она вам показалась? – спросила я у Джоанны, поддерживая ее под руку. – Понимаете, ее смерть была для нас словно гром среди ясного неба. Когда в монастырь вдруг пришло известие... – я замолчала, так как мое горло перехватило спазмом. И это было совсем не актерство.

Донна Сакетти, шмыгнув носом, успокаивающе похлопа-

ла меня по плечу:

– Ах, девочка моя, никто не ожидал такого страшного и внезапного конца! Беатриса очень волновалась за тебя, только о тебе и говорила. Ее мучили дурные предчувствия. Думаю, эти волнения оказались непосильными для ее слабого сердца. Все-таки нужно было уговорить ее перебраться в Венетту! Нам не следовало оставлять ее в одиночестве...

Однозначно не следовало. Меня мучило подозрение, что донна Граначчи умерла не от «слабого сердца», как гласил официальный диагноз, а, вероятно, от осложнения в виде бокала с ядом. Но попробуй-ка выясни это теперь, особенно если сидишь взаперти! Очень уж вовремя подстерегла ее смерть. Беатриса Граначчи была единственной, кто яростно противился свадьбе Джулии с Энрике Арсаго, не считая самой невесты. Всхлипнув, я промокнула глаза платком, одновременно пытаюсь запихнуть глубже в рукав сложенный свиток. Еще в первые дни, пользуясь редкими отлучками Ассунты, я начала составлять список подозреваемых. Перечень вышел, прямо скажем, внушительный. После обеда в доме Арсаго некоторые имена из этого списка обрели лица. А сегодня одна из кандидаток заявила к нам в гости – надо же, какая удача!

Под жгучим взглядом паурозо, следившей за нами из-за камней, мы все проследовали к дверям. Инес шла за матерью, молчаливая, будто сомнамбула. Бьянка что-то замешкалась. Поднимаясь по ступеням, я вдруг поймала ее взгляд

– она смотрела в угол, где находилось логово хищницы, и в ее глазах была жалость.

Женское рукоделие в чем-то сродни медитации. Тянется и тянется белая нить, петелька за петелькой вьется орнамент, уютно постукивают коклюшки, шелестит шелк дамских платьев. От сквозняка колышутся легкие занавески, сквозь широкие проемы балкона доносятся свежесть и веселый шум Большого канала. Подобревшая Ассунта даже расщедрилась принести нам печенья со сладким вином – пусть потом не болтают, что в доме Граначчи не умеют привечать гостей! Любопытный солнечный луч, проникнув внутрь, неспешно обследует комнату: пересчитывает плитки, вспыхивает алым на фреске в углу, отражается в лакированном столике, рассыпается искрами на гранях стеклянной посуды.

Мы сидели в салоне вчетвером. Потихоньку, дюйм за дюймом, росло кружево на валике, и так же неспешно тянулась наша беседа. Я понимала, конечно, что блестящие дамы явились сюда не ради моего приятного общества. Все они были тесно связаны с семьей Арсаго, и всем было любопытно по-

лучше узнать девушку, которую граф предназначил для своего сына, а также подготовить почву для дружеских отношений, если брак все-таки состоится.

Когда люди не знают, о чем завести разговор, обычно выручает присутствие детей или животных. Джоанна всюду таскала с собой собачку по кличке Пиколетто неведомой мне пушистой породы. Такой маленький шустрый комок шерсти, не обремененный мозгами. Эта собачонка немало нас позабавила: сначала облаяла кривоногий комод, стоявший в углу – и тут же трусливо спряталась под юбки хозяйки. Затем, убедившись в своей безопасности, Пиколетто вытянулась ковриком в полосе солнечного света на полу и задремала. В наступившей тишине Бьянка с Инес негромко обменивались мнениями насчет предстоящего праздника в День Изгнания. Обсуждался животрепещущий вопрос: какие наряды лучше всего надеть на церемонию?

Ленивое благодущие, царившее в комнате, вдруг прервал порыв ветра, взметнувший занавески. Показалось, что какой-то низкий звук, словно вздох, прокатился по улице, и его отголоски проникли в комнату, рассыпались, затаившись в темных углах. На один миг я остро, до покалывания в ладонях ощутила чье-то чужое присутствие. Вторя этому звуку, словно эхо, с террасы откликнулась паурозо своим чарующим, нездешним голосом. Мы все вздрогнули и переглянулись.

Отложив валик с кружевом в сторону, я поднялась, чтобы

закрыть стеклянные двери. Джоанна зябко повела полными красивыми плечами:

– Наверняка задует сирокко. Я загодя чувствую этот ветер, вот здесь. – Она легонько стукнула себя по груди, по бархатному лифу, на который стекало, переливаясь, жемчужное ожерелье. – Вчера мне снова приснился тревожный сон...

– Мама, – укоризненно произнесла Инес.

– Какой сон? – встрепенулись мы с Бьянкой.

– Снилось мне, будто я пришла в сумерках на галереи Прокураций, чтобы встретиться с... ну, это неважно. На портике никого не было. Кругом было тихо, только светила луна и тревожно кричали чайки...

Джоанна помолчала, вероятно, заново переживая увиденное.

– А потом? – жадно спросила я. Странно, что сон выбрал Джоанну. Впрочем, *они* сами решают, кому присниться.

– Я хотела уйти. Мне стало страшно. Отовсюду слышался шелест, как бывает осенью, когда ветер кружит сухие листья. Но едва я сделала шаг, как в лицо мне бросилась чайка. Потом еще одна, и еще... их были сотни! Они метались между арками, словно летучие мыши. В них было что-то неправильное. Я отбивалась шалью, а потом побежала. Неслась так, что ног под собой не чувала! Под ногами хрустело. Тут я поняла, что не так было с этими птицами и откуда взялся этот странный шелест. Они все были мертвые! Мертвые чайки. Я бежала оттуда по их костям.

Мы немного притихли, придавленные услышанным. Затем Бьянка снова невозмутимо взялась за пяльцы:

– Сочувствую вам, донна Джоанна. Знаете, такие сны, бывает, снятся после омаров на ужин. Я бы на вашем месте уволила повара. Или отправилась прогуляться, – она посмотрела в окно, за которым маняще искрился весенний день. – Хорошая прогулка поможет разогнать любые кошмары!

Джоанна Сакетти упрямо покачала головой:

– Дону Арсаго и Совету Десяти не следовало задевать живущих-под-волнами именно сейчас, – вдруг заявила она, намекая на мой «подарок», плавающий под террасой. – Конечно, синьор Арсаго всегда был немного одержим магией кьямата. Особенно с тех пор, как нашли ту проклятую фреску...

– Мама! – снова предостерегающе произнесла Инес, но ее опять проигнорировали.

– Что за фреска? Давно ли ее нашли? – невинно спросила я, стараясь не выдать своего острого интереса.

– Куда как давно, вы тогда еще пешком под стол ходили! Нашли ее, когда Арсаго дом купили на Гранде. Старую-то штукатурку сняли, а под ней оказалась святая Виадора, прямо как живая! Стоит, словно королева, в богатых одеждах, глаза шурит. Граф – молодой был, горячий – возгордился. Сказал тогда: видно нам, Арсаго, на роду написано магию возродить. Только дочери у них так не народилось, а Энрике магия обошла.

В ее тоне сквозь напускное сочувствие проскальзывало

злорадство. Не любит она дона Арсаго, ох как не любит! Недаром говорят, что нет ничего страшнее мести брошенной женщины. Мне вдруг вспомнилось хитренькое остроносое лицо синьора Сакетти. Интересно, как он пережил бывшее увлечение жены... Находил ли он утешение в дружбе, подобно истинному философу, или затаил злобу?

– При чем тут Энрике? Разве кто-нибудь вообще слышал о мужчине с даром кьямата? – пожала плечами Бьянка.

– Ну, вообще-то... слухи ходили.

– Мама! – в третий раз произнесла Инес, и на этот раз в ее голосе было что-то такое, отчего Джоанна притихла.

– Да что я разболталась, в самом деле, – забормотала она. – Это все сирокко. Сны... Налей мне лучше чаю, дочка.

Бьянка, отложив работу, потянулась грациозно, как кошка, и хмыкнула:

– Ой, Джули, ты, кажется, запуталась в узоре!

Вздвогнув, я перевела взгляд на валик. Действительно, во время рассказа Джоанны мне было не до кружев, и мои пальцы творили что хотели. Дурацкое занятие. Выброшу его к Хорро!

– У меня тоже от вышивки уже в глазах рябит, – продолжала Бьянка. – Может быть, возьмем гондолу, прогуляемся по каналам? День так хорош, что мне хочется слиться с его очарованием. Весна же!

Все с готовностью подхватили эту идею, радуясь случаю сменить тему. На правах хозяйки я позвонила служанке, что-

бы она передала распоряжения Фабрицио. Мои новые подружки засобирались, складывая свои работы в корзинки. Инес значительно продвинулась в вышивке, а вот успехи ее матери были такими же скромными, как у меня: ее кусок кружева почти не увеличился. Зато я за один час узнала о семействе Арсаго больше, чем за целую неделю осторожных расспросов! Джоанна Сакетти была поистине бесценным кладом информации, если, конечно, вы умеете отделять правду от сплетен.

Глава 7

Подплывая к дому, Рикардо и Алессандро ди Горо успели заметить корму гондолы, исчезающую за изгибом канала. Лакей на причале известил их, что молодая хозяйка с подругами изволила отправиться на прогулку. «Жаль», – подумал Алессандро, ощутив странную смесь досады и сожаления. Он хотел – и не хотел ее видеть.

Младшую сестренку Рикардо он почти не помнил. В городе она появлялась редко. Память, как мутное зеркало, подсовывала изображение смешливой девчонки с милым лицом и пронзительно-капризным голоском.

Зато женщина, вернувшаяся с острова, с первой встречи захватила его воображение. Маленький, гордо вздернутый подбородок, бесстрашный росчерк бровей, взгляд светло-карих глаз бьет навывлет. «Она невеста Энрике», – одергивал он себя.

Или же нет? Энрике должен был жениться на Джулии. А эта девушка... кто она?

Сам того не замечая, он прошелся по террасе, размеченной солнечными полосами, остановился в опасной близости от каменного логова, устроенного в дальнем конце. Звякнула цепь. В глубине щели, очерченной тенью, зажглись огоньки. Медленно выползли на свет перепончатые лапы и треугольная безноса морда с раззявленным ртом, из которого тяну-

лась ниточка слюны. Алессандро ее не видел. Перед его глазами стояло другое лицо – нежный лоб, словно лепесток розы, тень от каштанового завитка, выбившегося из прически, ироничный, чуть насмешливый изгиб губ...

Может ли такое быть, чтобы под этим ангельским обликом скрывалось чудовище? Ему доводилось слышать о морских тварях, умеющих превращаться в людей. «Это просто слухи», – сказала бы она, как в тот вечер на скудно освещенной террасе в доме Арсаго. Но даже в неверном свете факела он видел, что ее лицо дрогнуло.

Сзади на его плечо опустилась ладонь:

– Ты бы отошел от греха, – посоветовал Рикардо. – А то не ровен час...

Треугольная морда спряталась, канула обратно во мрак.

– Да уж. Опасная тварь, – покачал головой Алессандро.

– Не поверишь, сам ее боюсь. Но какова Джули! Нет, я помню, что это всегда в ней сидело, с детства. Если нужно успокоить какую-нибудь животину – сразу к ней. Навострилась у себя на ферме. И монахини ее хвалили. Но такого... не ожидал.

– Она очень изменилась, когда вернулась, не правда ли?

Простой вопрос, но Рикардо отчего-то ошетинился:

– Что ты имеешь в виду?

– Съезди на Терра-деи-Мираколи – узнаешь.

– К монашкам, что ли? Чего я там забыл? Сам езжай, если хочешь.

Он был там. Проболтался без толку полдня, стараясь не обращать внимания на сырость, грязь и убогую окружающую обстановку. Съел две порции отвратительной поленты, чтобы только разговорить трактирщика. В обитель, кстати, так и не попал. Наверное, проще верблюду пролезть в игольное ушко, чем мужчине пробраться в женский монастырь! Самым удачным оказался разговор с отвратительной нищей старухой, похожей на неопрятный куль в лохмотьях. Правда, бабуля была явно не в себе, к тому же от нее оглушающе воняло, зато она была первой, от кого удалось добиться хоть чего-то полезного. «Спустилась девчонка в крипту – и с концами. Только балахон да сандалии нашли потом у воды. Это все *они*. Приходят, когда хотят, берут, кого хотят», – прошамкала бабка на форлийском просторечии. Алессандро дал ей два сольдо – целое состояние для нищего острова, но старая ведьма, ловко сцапав деньги тощей скрюченной лапой, больше ничего не сказала.

– Надеюсь, что тебя, как брата одной из послушниц, приветливей встретят, – объяснил он Рикардо.

Тот нервно передернул плечом:

– Если вам так спокойней, могу и проведать старую аббатису. Вроде они с матерью были дружны.

«Вам», – отметил про себя Алессандро. Значит, не он один заподозрил подмену? А кто еще – донна Ассунта? С ней он тоже хотел бы перемолвиться словом, но при каждом его появлении синьора запиралась у себя и отказывалась выйти,

ссылаясь на многочисленные старческие хвори.

Непонятно, почему Рикардо так спокоен и безразличен? Алессандро гнал от себя подозрение, что «новая» сестра, более покладистая и сговорчивая, была для Рикардо гораздо удобнее прежней Джулии. Между прочим, один рыбак с Терра-деи-Мираколи, после того как Алессандро оживил его память парой монет, вспомнил некоего знатного молодого господина, которого ему часто случалось возить на остров. «Сами понимаете, вашмилость, как ни прячь пташку за монастырскими стенами, а любовь свое возьмет!» – хихикал рыбак. Если не врал, конечно.

Этого он не стал рассказывать Рикардо. Но про себя твердо решил, что секретами таинственного острова нужно будет заняться.

С высоты Венетта похожа на дельфина, под брюхом которого протянулась длинная цепочка островов – Спиналонга. Чуть подальше, в стороне лежит остров Терра-деи-Мираколи, над которым одиноко торчит колокольня монастыря святой Виадоры, и шесть раз в день разносится дребезжа-

щий колокольный звон. Желтыми пятнами по бирюзовому шелку лагуны раскиданы несколько других островов, и, наконец, довершают картину болотистые отмели Дито, отделяющие лагуну от Длинного моря.

Все это я могла увидеть благодаря глазам и крыльям Пульчино. Однако сейчас мне впервые представилась возможность увидеть Венецию собственными глазами, с другого ракурса и несколько другой точки зрения. Пульчино, хоть и отличался широтой интересов, был абсолютно холоден к красоте роскошных арок и квадрифолей; его не волновали тайны маленьких улочек, скрепленных мостами, таких узких, что они больше походили на проходы между шкафами. Меня же очарование Венеции просто заворожило. Я чуть не выпала из гондолы, когда засмотрелась на проплывавший мимо дворец: отраженный в воде, он казался вдвое изящней и тоньше. Потом его сменила колоннада, увенчанная гроздьями бело-зеленого мрамора, напоминающего о морских волнах. Город в моих глазах двоился, мерцал, отраженные балконы и арки выглядели не менее реальными, чем те, что возвышались над головой. Облака, плывущие в канале, растворялись в подземных течениях. По воде пробежала рябь, когда нас обогнала другая гондола, где сидели трое вельмож в белых масках. Они замахали руками, привлекая наше внимание, кто-то отвесил довольно смелый комплимент. Контраст между их бесстрастными личинами и пылкими словами показался мне забавным. Впечатление такое, будто ожив-

шая статуя вдруг призналась бы вам в любви.

Приближался час, когда весь город одевался в маски, что придавало ему оттенок театральности. Большую часть года, особенно в дни Карнавала, маска-баута вкупе с длинным черным плащом были здесь практически повседневной одеждой. В это время светские условности и приличия играли меньшую роль. Поэтому Джоанна не преминула ответить на комплимент, послав веселым господам в лодке воздушный поцелуй. Разумеется, наши лица тоже были прикрыты элегантными черными полумасками.

– Ты не упускаешь случая позабавиться, – упрекнула ее Бьянка, когда чужая гондола отошла на приличное расстояние.

– Ба! Это называется уметь жить, моя дорогая. Уметь действовать, уметь пользоваться случаем – изящно, прилично и непринужденно.

– Да, это не каждому дано, – произнесла Бьянка с ноткой осуждения, однако Джоанна со свойственной ей простотой пропустила ее замечание мимо ушей.

– Кстати, это не Алессандро ди Горо высаживался на причал, когда мы отчалили? – обернулась она ко мне. – Что-то он зачастил к вам, дорогая. Ничего не хочу сказать, но кое-кто заметил, как вы ворковали на террасе в доме Арсаго.

Приплыли. Только сплетен мне не хватало.

– Он просто расспрашивал меня о монастыре... о кьямати, – ответила я скучающим голосом. Сердце забилось мел-

ко и часто.

– О монастыре! Надеюсь, в следующий раз вы найдете тему поинтереснее! Ох, я бы с ним потолковала... под маской или даже без. – Джоанна улыбнулась с бесстыдной мечтательностью. – Он, конечно, неотесанный, как медведь, но есть в нем что-то настоящее. Мужское. Не то, что другие раздушенные кавалеры, сыплющие стихами и пудрой!

– Вряд ли тебе выпадет такой случай. Синьор ди Горо не жалуется женщин, – усмехнулась Бьянка.

Джоанну это не смутило:

– Что за вздор! Просто не попался еще в настоящие руки. Но попадется.

– Я знаю, ты великолепно умеешь плести светские разговоры, но что можно сделать с мужчиной, который думает о только своем и отвечает невпопад!

– Даже для такой тяжелой публики есть верное средство. Обморок! – наставительно произнесла Джоанна. – Поверьте, нет более надежного способа привлечь к себе внимание!

Разговор становился все интереснее, но его внезапно прервала Инес:

– Смотрите!

Мы как раз подплывали к мосту, на который вдруг, как черт из куста, выскочил какой-то парень. Палкой он ловко отбивался от двух противников, хотя силы были явно неравны. Двое верзил теснили его, норовя сбросить в воду. Одеты они были в бурые плащи с алой подкладкой, вроде тех, в ко-

торых обычно ходили рыбаки. Интересно, чем он им так насолил? Как правило, городские рыбаки были угрюмыми молчаливыми типами. Их ремесло мало располагало к болтливости и веселью. Еще затемно они выходили в море на своих утлых тартанах, а потом раскладывали улов на прилавке грубыми просоленными руками. Чтобы их разозлить, нужно было здорово постараться!

Между тем беглец избрал дерзкий путь к спасению: продолжая отбиваться палкой, он вскочил на перила моста – и вдруг спрыгнул в нашу гондолу, которая как раз проплывала внизу! Лодка угрожающе закачалась. Джоанна завопила, Фабрицио разразился проклятьями, мы с Инес в ужасе вцепились в борта. Казалось, что крушение неминуемо. Нам повезло уцелеть только благодаря искусству нашего гондольера. Ловко перехватив весло, он выровнял лодку, и вскоре мост с разозленными рыбаками остался далеко позади.

– Что ты творишь, негодяй, подлец, подлая твоя рожа! – кричала Джоанна на всю улицу. Пиколетто, вторя ей отчаянным лаем, подскочила к парню, схватив его за штанину. Фабрицио угрожающе замахнулся веслом.

– Синьоры, синьоры! – взмолился несчастный беглец. Мгновенно оценив обстановку, он широко улыбнулся самой старшей из нас, Джоанне: – Поверьте, я не грабитель, я бедный сын мастера из Оливоло! Те господа на мосту живут в соседнем приходе и давно имеют на меня зуб. Вы спасли мне жизнь, и я ваш должник, но моя благодарность будет по-

истине безграничной, если вы отвезете меня на ближайший причал и не заставите добираться до него вплавь!

Весло вновь погрузилось в воду. Не переставая говорить, незнакомец отцепил собачонку от своей штанины, макнул ее головой в канал и посадил обратно в лодку, подальше от себя. Рычание сразу стихло. Мокрая, как мышь, Пиколетто шмыгнула под защиту хозяйки, где бешено отряхнулась, окатив нас брызгами с головы до ног.

Когда схлынул первый испуг, незнакомец действительно стал казаться вполне безобидным. Он был среднего роста, ловкий, как обезьяна, с загорелым лицом и живыми черными глазами. Маски на нем не было, или она пропала во время драки. У него оказался приятный, звучный голос, а речь была на удивление правильной. Обстоятельства, из-за которых он попал к нам в гондолу, вызывали сочувствие. Я и раньше слышала про состязания и драки между разными *сестьерами*, то есть районами города. Иногда они перерастали в целые побоища! В западных приходах костяк воинствующих групп составляли судостроители, работники Арсенала. Восточные приходы населяли в основном рыбаки. Соперничество между ними с годами стало чем-то вроде священной традиции.

– Значит, ваш отец работает на верфях? – спросила я.

Беглец кивнул:

– Да, и я там тоже трудился, правда, недолго. Древесная пыль вызывала у меня дикий кашель.

– Как это грустно. И что же вы сделали? Подались в матросы? – спросила Джоанна, постепенно сменившая гнев на милость. Похоже, незнакомец ее забавлял.

Судя по его ловкости, этот парень вполне мог служить матросом на каком-нибудь судне.

– Да, синьора. Но увы, это было недолго. – Незадачливый оливолец повесил голову. – Возле Сиккилы на наше судно напали тарчи. Я спасся чудом. После этого я попал в Аримин, где выучился играть на лютне. Два года прослужил там у одного господина и лишь недавно вернулся сюда, в родной город.

– И сразу же напоролись на рыбаков. Да, вас сложно называть везучим человеком! – усмехнулась Бьянка.

– Увы, я с детства был таким! Лишь однажды Господь сжалился надо мной, когда послал мне лютню. Правда, эти двое ослов ее сломали. И второй раз – когда отправил мне навстречу гондолу с тремя прекрасными добрыми синьорами.

Кто бы мог подумать, что уличный бродяга способен на такую галантность! Незнакомец болтал, как трещотка, но почему-то чем дальше, тем меньше он мне нравился. На сердце снова легла тяжесть, а еще показалось, что вода в канале вдруг изменила цвет, словно омертвела. Всеми обостренными чувствами я ощутила, что нечто огромное прошло внизу и затаилось прямо под лодкой. Я подняла голову – и вздрогнула, уколотившись об острый взгляд. В следующий миг незнакомец тепло улыбнулся.

Фабрицио тем временем причалил к берегу:

– Вот твоя пристань, парень, выметайся и не докучай си-
ньорам, – буркнул он.

– О нет, – восторженно воскликнула Джоанна, – пусть лучше Фабри-
цио высадит нас возле моего дома.

– У меня есть одна старая лютня, – обернулась она к
незнакомцу, – мне кажется, она тебе подойдет. Кроме того,
отсюда слишком близко до того моста, где мы тебя подобра-
ли. Вдруг те негодяи нападут снова?

Мне все это очень не нравилось, но Джоанну было не
унять. Она походила на кошку, закогтившую воробья, и бы-
ло видно, что наше присутствие ей только мешает. Бьянка
украдкой подняла брови, Инес молча смотрела в сторону,
безучастная ко всему. В конце концов, мы высадили всех
троих – Джоанну, Инес и парня-счастливчика – возле дома
Сакетти. Бьянка по-прежнему хотела увидеть лагуну, поэто-
му мы решили продолжить нашу прогулку.

Спустя четверть часа блужданий по узким каналам перед
нами распахнулся простор. Широоченное поле лагуны пере-
пахивали десятки лодок, вдалеке темнели очертания Спина-
лонги. Море, прищурясь, насмешливо следило за городом
искрящимся бирюзовым взглядом. Низкое небо как будто
склонялось к воде и шептало ей что-то на ухо, неразличимое
среди криков птиц. На первый взгляд все было спокойно, но
человек, выработавший в себе чуткость к морскому пульсу,
сразу ощутил бы растущую напряженность. В голосах чаек

слышалось неясное предвкушение. Я подумала вдруг: интересно, что сейчас подельывает Пульчино? Мой друг все еще дулся на меня из-за паурозо.

Бьянка вздохнула:

– Джоанна права, я тоже *это* чувствую. Действует угнетающе. Надеюсь, что проклятый сирокко скоро закончится, оставив нам на память лишь парочку свежих кошмаров.

Я хотела бы с ней согласиться... но я знала, что одними снами здесь дело не ограничится. Наоборот, сны – это только начало.

Глава 8

Праздник Дня Изгнания, посвященный победе над фие-скийцами, начался для меня с громового раската. Вернее, мне спросонья показалось, что началась гроза, а на самом деле это стреляли пушки Арсенала, возвещая, что «Бученторо» уже готов к спуску. Когда мы с Рикардо спешили к Пьяцетте, нас обгоняли десятки других гондол. Пульчино в моей голове возбужденно вопил, что морская дорога из Фьюзи и внешние каналы были тоже битком набиты лодками: «Они идут, будто косяки рыб во время нереста!» Все торопились на праздник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.